

БК 65.9(2)

ч 46

В популярной форме излагаются оригинальные, не лишённые спорных моментов взгляды на циклическое развитие экономики нашей страны в контексте мировой истории. Сопоставляя теоретические экономические модели с реальными государственной политики, автор пытается показать истоки современного состояния отечественного хозяйства и спрогнозировать варианты возможного хода событий. Для широкого круга читателей.

Научный редактор кандидат экономических наук И.В.Гусаров

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

каф. дра экономики и управления Саратовского государственного университета, доцент Г.В.Черевачко

Черемисинов Георгий Александрович

**БОЛЬШИЕ ЦИКЛЫ В ЭКОНОМИКЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА**

Саратовский государственный педагогический институт 1993,
410071, Саратов, Мичурина 92

Подписано к печати 12.02.93 Формат 60 x 84 1/16 Объем 3,5 п.л.
Заказ 5494 Тираж 300 экз. Цена договорная

© Г.А.Черемисинов
1993

О РОССИЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ "ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АСТРОЛОГИИ"

Одна из примет нынешнего смутного времени - неподдельный интерес к предсказаниям астрологов. Изучение гороскопов на день, неделю, месяц, год стало повальным увлечением сомневающихся в своем будущем, отчаявшихся соотечественников. Расположение небесных светил определяет нашу судьбу, благоволит нам, одаривая нечаянной радостью, или, наоборот, преподносит неприятные сюрпризы. И дело здесь не в чем-то злом умисле, а в обычных циклах взаимного движения планет и звезд.

Двенадцатилетний "эверинный" календарь и годовой зодиакальный строго научно чередуют "пирог и пышки" с "слянками и шипшами" нашего земного существования. Зная периодичность астрономических процессов, можно подготовиться заранее, настроиться на худшее и спокойно пережить, стойко перетерпеть навалившиеся невзгоды откуда трудности. За ними непременно наступят светлые дни.

Такой уверенности профессиональных астрологов - магов и कुдесников - в завтрашнем дне экономисты пока завидуют. Признать сегодняшнюю хозяйственную разруху в России явлением закономерным и вполне объективным многие не хотят, да и выхода из кризиса еще не просматривается. От предлагавшихся в последние два года официальных программы стабилизации экономики, которые разрывали хозяйственные связи и угнетали деловую активность, оставалось ожидать очередного "чуда", но не увеличения производства товаров. Затеплить свечу надежды в душе народа и его политиков способны лишь реалистические проекты на основе долгосрочных экономических прогнозов. Без них всякие текущие мероприятия - это блуждание в потемках наощупь, когда желанной цели можно достичь только случайно.

Разработка долговременных планов не окажется утраченной в чистописании и проектировании, если она будет опираться на познание закономерных, повторяющихся тенденций хозяйственной практики. Стало быть, надо искать в научном арсенале такие теории, в которых экономические процессы ведут себя сходно движению планет, устойчиво повторяя периоды, возвращаясь на круги своя.

Но сие - непростая задача. Советская наука, стигнув не по сво-

ей инициативе, почти шестьдесят лет после напа не притрагивалась к проблеме циклов в собственном государственном хозяйстве. Кризисов, согласно "партийной" точке зрения, при плановом директивном руководстве страной не было и быть не могло. Так, во всяком случае, с марксистских позиций следовало понимать развитие "социалистической системы" экономики. Сомнения, а тем более несогласие ученых-экономистов с "правоверным" учением заглушили политические репрессии 30-х гг., трагически оборвавшие жизнь многих талантливейших специалистов. Так в конце 20-х годов были запрещены исследования конъюнктурных колебаний, закрыто перспективное направление, которое свисало российской экономической школе мировую славу.

Осознавая всю горечь утрат, невозможность безвозвратно потерянного времени и растраченных понапрасну сил, надо смотреть вперед и во имя будущего России возродить и продолжать придавленные судьбой национальные традиции. Нам есть чем гордиться. В 1894г. впервые увидела свет книга М.И.Туган-Барановского "Промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов". Этот фундаментальный труд был переведен в Германии, Франции, США, Японии. Теория среднесрочных циклов М.И.Туган-Барановского, которая сравнивает экономику с паровой машиной, а денежный капитал - с паром, задающим движение всему хозяйственному механизму, относится к классике экономической мысли.

Заслуживает самого благодарного упоминания обстоятельные аналитические исследования конъюнктурных колебаний русского народного хозяйства с 1870-х до 1920-х гг., выполненные С.А.Первушиным в 1925г. В них развитие России изучалось в контексте мировой истории и международных хозяйственных связей. Тем самым поддерживался дух открытости российской школы экономистов, которая воспринимала все последние достижения зарубежных теоретиков, но не останавливалась на них, а шла дальше, совершая собственные открытия. Неудивительно поэтому, что работы Н.Д.Кондратьева (1892-1938) - ученика М.И.Туган-Барановского - по теории больших циклов конъюнктуры еще при жизни автора переводились на ведущие европейские языки.

О взглядах этого оригинальнейшего мыслителя вновь заговорили западные экономисты в середине 70-х гг., когда серьезные потрясения охватили хозяйства развитых стран. Ренессанс идеи "кондратьевских"

циклов объясняется стремлением выбраться из безвыходной ситуации падающего производства, нарастающей инфляции, хронических бюджетных дефицитов и массовой безработицы. Теперь и нам, вкуспившим на рубеже 80-90-х гг все "прелести" подобного состояния, пришло время обратить взоры на пророков в своем отечестве.

Сейчас, как никогда, необходимо достойное продолжение деяний российских экономистов конца XIX - первой трети XX века. Они завещали ценнейшее наследие, в коем заложены идеи, незаменимые в решении текущих, пусть острых, но преходящих проблем, и в поисках отдаленных ориентиров долгосрочного прогнозирования. Этот источник должен обогатить современную социально-экономическую мысль, направить ее по пути созидательного реформаторства, воспрепятствовать разгулявшему радикализму.

Настала пора взлелеять корни своих гуманных национальных традиций и перестать пересаживать на нашу почву ортодоксальные "импортные" доктрины, привносить извне лишь цивилизованные формы общения между людьми. Неужели история ничему не научила? Почти семь десятилетий варварски пытались "облагодетельствовать" Россию по рецептам канонизированного марксизма. Сегодня снова экспериментирование с политикой перехода к рынку. Лукавили правительственные мужи, когда кивали головой на опыт стран с развитой рыночной экономикой. Ни один западный лидер недавно истекших 80-х гг не рискнул проводить реформы у себя дома, следуя концепции М.Фридмана - "монетаризму" - буквально.

Конечно, отдельные советы сторонников стабильного денежного обращения использовались в США и Западной Европе для сдерживания инфляции и усиления контроля за валютными курсами. В частности, ради сокращения бюджетных дефицитов пересматривались размеры государственных ассигнований, в том числе и на социальные программы, изменялись ставки налогообложения, с помощью высокого учетного процента ограничивалось банковское кредитование. Но такие весьма болезненные попытки перекрыть канал поступления "личных" денег в обращение со стороны государства и банков не сравнимы с отъявленным монетаризмом в исполнении "команды Е.Гайдара".

О последствиях этого очередного, чересчур радикального "оздоровления" нашего народного хозяйства речь еще впереди. А пока надо

сказать одно: опять крайность! Опять стремление идти до конца (не ясно только, какого?) под новым лозунгом "даешь рынок любой ценой!" Когда встает вопрос: надо ли поддерживать "исконно русскую" традицию борьбы с варварством варварскими методами, то на него нельзя отвечать утвердительно. Ибо слишком дорогую цену всеобщей разрухи придется заплатить за "светлое" будущее.

Шараханье из одной крайности в другую объясняется официальной оценкой нынешней ситуации в России. Чтобы оправдать свой радикализм, руководство усиленно навязывало идею исторического тупика, в который якобы зашла страна. Значит требуется смена политического курса, и нужно ошарашено отречься от прошлого. Это страшно. Это уже было... Мы уже жили не так, как все цивилизованные народы, разрушая накопленные веками ценности материальной и духовной культуры.

Даже если развитие советского государственного хозяйства, на первый взгляд, было непохожим на прогресс в "иных землях", то отсюда вовсе не следует, что экономическая история СССР напрочь выпала из единого хода мировой истории. И рассуждая о кризисных явлениях, слишком легковесно заявлять, что наша державашла тупиковым путем. Необходим анализ глобальных тенденций на достаточно длительном отрезке времени, а затем уже их сравнение с делами в Отечестве своем. Ведь так всегда раньше поступали российские экономисты.

Совсем по-иному выглядит наша экономика, если оценивать ее сегодняшнее состояние, опираясь на теорию больших циклов Н.Д.Кондратьева. Однако, прежде чем излагать собственное понимание современных проблем и их обусловленность ходом мировой и отечественной истории, стоило бы, пожалуй, пояснить смысл предлагаемого научного метода.

УНИКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ

Концептуальные построения Н.Д.Кондратьева отличаются широким углом зрения, охватывающим всю пеструю мозаику хозяйственной жизни. Отказ от выделения абсолютно первичных причин экономического развития и уважение принципа - все взаимосвязано - придает данному подходу требуемую гибкость. Это постоянно меняющееся взаимное влияние элементов экономики друг на друга выражается понятием "конъюнктура", которое означает стечение обстоятельств, определяющих активность

хозяйственной деятельности. Кстати, растолковывая содержание термина "конъюнктура" Н.Д.Кондратьев подобрал слово "констелляция" из лексикона астрологов, когда они говорят о взаимном расположении планет, предсказывающих судьбу.

В экономической науке принято выделять четыре типа конъюнктурных колебаний. Во-первых, краткосрочные отклонения спроса и предложения, измеряемые месяцами. Наглядные тому примеры: сезонные распродажи одежды, обуви; изменение запасов и закупок продовольствия и сельскохозяйственного сырья от урожая до урожая. Во-вторых, среднесрочные циклы продолжительностью от 3 до 12 лет. Они сопряжены с периодами эксплуатации станков, оборудования, машин и предметов потребления длительного пользования. В-третьих, демографические или строительные циклы, отсчитываемые 15 - 20-летние интервалы, в течение которых на смену поколению отцов приходит поколение детей. Наконец, большие циклы или длинные волны, имеющие пятидесятилетнюю историю и формирующие долгосрочные мировые тенденции.

Циклические колебания воспроизводства различной силы и периодичности управляют реальными процессами преобразований в экономике. Народное хозяйство обретает устойчивость и приспосабливается к вновь возникающим потребностям при помощи противоположных отклонений от равновесного положения. В хозяйственной сфере, как и в небесной, складываются всевозможные комбинации периодов обращения. Поэтому состояние и перспективы деловой активности зависят от взаимного расположения конъюнктурных волн неодинакового размера. Хотя экономический прогноз должен учитывать хитросплетение значительно большего числа переменных величин, нежели наиболее подробный гороскоп, в его основе лежат долгосрочные циклы.

Н.Д.Кондратьев писал о трех больших циклах, позднее нареченных его именем: 1) с конца 80 - начала 90-х гг XVII в до 1844-1851гг, 2) с 1844 - 1851гг до 1890 - 1896гг, 3) повышательная волна с 1890 - 1896гг до 1914 - 1920гг и начало понижательной волны с 1914 - 1920гг (См.: Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. В кн.: Вопросы конъюнктуры М., 1925, т.1, вып I, с.45). В XIX веке мир стал свидетелем еще двух структурных кризисов: 1920-1939 гг и с 1973 до конца 80-х гг. Стало быть, есть основания говорить о завершении четвертой кондратьевской волны за два столетия, прошедшие с момента развертывания промышленной революции.

Полувековые колебания конъюнктуры связаны с возобновлением и расширением основных капитальных благ: строительством крупнейших сооружений и транспортных сетей, улучшением земель и т.п. Для этого требуются значительное время, огромные суммы накапливаемых и инвестируемых средств.

В самых общих чертах теоретическая модель больших циклов выглядит так. Начало подъема характеризуется значительными размерами и темпами накопления капитала в натуральной и денежной форме, концентрацией свободных средств с помощью кредитной системы, фондовой биржи, а также государственных финансов в распоряжении предпринимателей. Обилие свободного капитала понижает банковский процент и поощряет массовое прибыльное инвестирование. Повышательное движение конъюнктуры и рост производственных мощностей требуют новых сырьевых ресурсов и рынков сбыта, ведут к расширению географии мировых экономических связей. При этом изменяется соотношение сил между странами, появляются новые лидеры, стремящиеся к переделу зон внешнеэкономических интересов. Борьба за сферы влияния сопровождается усилением конфликтов и разногласий, требующих политического урегулирования. Одновременно внутри государственных образований закипают страсти, активизируются социальные группы, выступающие против устаревших и тормозящих подвижки общественных институтов. Зреют предпосылки крупных внутренних перемен.

Верная примета начала конъюнктуры — "подъем в гору" банковского процента — удостоверяет, что ненасытный спрос на капитал обгоняет реальное накопление. Вздорожание капитала, кроме того, ускоряется внешнеэкономическими и внутри-социальными потрясениями, которые увеличивают непроизводительное потребление, иногда даже вызывают прямые разрушения производительных сил.

Трудности с привлечением дополнительных средств отбивают охоту у деловых людей находить и вкладывать деньги в расширение производства и торговли. Тем самым кривая предпринимательского азарта надламывается в сторону понижения. Интенсивность хозяйственной жизни слабеет, относительные цены падают. Страна постепенно скатывается в трясину кризиса.

Новый путь на вершину следующего подъема начинается с пробуждения сил, способных изменить существующие условия. Ввергнутая в

депрессивное состояние экономика вынуждает изыскивать способы рационализации производства и внедрять научно-технические новинки, дабы избежать убытков и компенсировать потери прибыли. Этому обновлению помогает удешевление капитала.

Банковский процент замирает и с максимального уровня начинает скользить вниз. Его снижение происходит по мере создания избытка свободных денег у тех групп населения, для которых динамика доходов выгоднее динамики цен. Резервы накопления капитала пополняются как за счет перелива средств из стагнирующих отраслей, в частности сельского хозяйства, так и за счет притока золота на рынок, поскольку общий пониженный уровень товарных цен делает более рентабельной добычу благородного металла. Давление незанятого капитала в конце концов довершает перелом невыгодной конъюнктуры и вызывает очередную длительно-повышательную волну.

Теоретическая модель Н.Д.Кондратьева — это уникальный инструмент познания, по достоинству не оцененный пока ни учеными-обществоведами, ни политиками. Заложенный в ней принцип снимает многие формально-логические противоречия. Исчезает непроходимая стена между индивидуально-описательным (идиографическим) и абстрактно-схематическим (номографическим) подходами. Любое историческое событие понимается и как результат стихийного сцепления обстоятельств, и как звено в закономерной цепи явлений.

Так, нынешняя кризисная ситуация в нашей экономике знаменует собой завершение очередного большого цикла конъюнктуры и относится к закономерным историческим событиям. С середины 70-х гг XXв серьезные испытания выпали на долю большинства стран. Мы — не исключение. Россия всегда была неразрывно связана с мировым хозяйством. И пятнадцатилетнее запаздывание (о причинах которого поговорим позднее) российской длинной волны по сравнению с ведущими государствами лишь подтверждает тот факт, что глобальные тенденции складываются во взаимодействии многочисленных, зачастую неповторимых особенностей отдельных народов.

Систематизация явлений, выяснение их повторяемости во времени дают в руки исследователя ключ к толкованию причин общественных процессов, к постижению логики истории. На основе опыта прошлого, конечно, со всеми оговорками, можно предсказывать вероятное наступ-

ление событий в будущем.

Все элементы больших циклов взаимосвязаны, но не один из них не является первопричиной длинной волны. Причем сугубо экономические процессы органически сочетаются с событиями, кажущимися на вид случайными, приводящими к изменению. Изучение различных сфер человеческого общества с точки зрения их соответствия друг другу предпочтительнее выпячивания отдельных причинно-следственных связей. На этом фоне отчетливо вырисовывается примитивность политической полемике сегодняшних радикалов с марксистской платформой.

Если, согласно марксистскому пониманию, считать главной движущей силой социального прогресса экономику, то возникает соблазн сводить все многоцветие нашей жизни к трудовым будням в производстве материальных благ. Противоположная сторона, обвиняющая коммунистов во всех бедах и страданиях России, такая же убогая. Ее предубеждение в том, что социалистическая идеология, командно-административная хозяйственная политика целиком и полностью заправляли народным хозяйством — докучный домысел. Ибо экономика — это относительно самостоятельная область приложения способностей людей, живущая по своим законам, внешнее воздействие на которую ограничено.

Стремление втиснуть хозяйственную деятельность в надуманные идеологические рамки оборачивалось поражением, а затем пересмотром "теории". И так было неоднократно. Вспомним хотя бы попытку отказа от денежных отношений и введение прямого товарообмена при переходе к напу, кампания по борьбе с личным подсобным хозяйством крестьян, систематический подрыв материальной заинтересованности в результатах собственного труда и навязывание уравниловки в доходах. Толку от подобных мероприятий было мало, но вреда предостаточно. В экономической политике легче растрчивать накопленное достояние, чем сохранять и приумножать его ценности. Гораздо плодотворнее вместо схоластического противостояния признавать правомерность сразу нескольких взглядов и среди всех оттенков мнений находить точки соприкосновения интересов, видеть заботу об общем благе. На то и нужна настоящая наука.

ПАРАДИГМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Концепция длинных волн подвергается сомнению вроде бы устоявши-

еся истины. Обнаруживаются новые, ранее не заметные грани. Дело в том, что воспроизводственные циклы задают своеобразную форму развития общественных явлений. Оно протекает как процесс взаимодействия противоположных тенденций, попеременного преобладания каждой из них, где возможны спады и подъемы, своя периодичность. В таком ракурсе непривычно выглядит даже история социалистической и либеральной идеологий.

Прежде всего, большие циклы накладывают свой отпечаток на исторический облик людей — носителей идеологии, так как в ходе полувековых конъюнктурных колебаний перестраивается вся социально-экономическая система при помощи перелива капитала и перемещения работников в новые сферы деятельности. Распределение занятости трудоспособного населения определяет интересы и расстановку сил между социальными группами, формирует неповторимый, социально-исторический "портрет" каждого цикла. Уже по этой причине не может быть одинаковой социалистической теории хотя бы для двух волн подряд.

Общепризнано, что понятие социализма возникло в годы становления частнокапиталистического уклада, замешанного на индивидуализме. Здесь нет ничего удивительного, ибо социальное и индивидуальное суть ипостаси человеческого существования. Усиление индивидуальных, самостоятельных начал всегда соседствует с противоположной тенденцией к обобществлению. Человечество постоянно стоит перед дилеммой: каким образом достичь гармонии интересов личности и общества? Поэтому безрассудное преклонение перед коллективистским мировоззрением подчеркивает изначальную односторонность и ограниченность социалистических учений. За семь десятилетий однопартийная советская власть подтвердила этот тезис практическими делами.

Обобществление не означает исчезновение индивида, а следовательно, и индивидуализма. Человек остается материальной и духовной опорой общества. Скорее, наоборот, укрепление взаимной зависимости людей предполагает неординарность и многогранность личностей. Социалистические идеи осуждены впитывать в себя богатство личных ценностей, иначе они теряют свою привлекательность. А то, что свободный индивидуальный выбор — мощный стимул прогресса, указывает частное предпринимательство. Но и оно процветает, лишь черпая силы из

своей противоположности — механизмов общественного регулирования и общественного производственного потенциала.

Социалистическое миропонимание развивалось через смену парадигм мышления, т.е. путем пересмотра исходных теоретических установок, которые господствовали в научных кругах на протяжении данного исторического этапа. Немецкий политолог Т. Майер выделяет четыре крупных концептуальных дискуссии о социалистических парадигмах с момента зарождения международного рабочего движения (См.: Майер Т. Парадигмы социализма в Европе, история и современность. Коммунист, 1990, № 3, с. 112).

Переход от традиционных взглядов к новым обычно отражает существенные изменения всех сфер общества. Поэтому вполне логично, что между большими циклами воспроизводства и обновлением социалистической идеологии есть закономерная корреляция. Так, промышленная революция положила начало отходу от естественного производственного базиса аграрной цивилизации к постаграрному, индустриальному обществу. Нарождавшийся класс промышленного пролетариата был тогда еще незначительным и бесправным меньшинством населения. Защищавшая его идеология на рубеже XVIII и XIX вв. теплилась в книгах Сен-Симона, Фурье. Пролетарские экономические интересы вдохновляли перо Рейвистона, Годкина, Томпсона и др. Поскольку самые большие различия в доходах между людьми были связаны с размерами их собственности, постольку на призывы социалистов к равенству в распределении результатов труда откликнулись первыми низкооплачиваемые наемные рабочие.

В отличие от предшественников, К. Маркс набрасывал контуры своей версии социализма уже во времена второго большого конъюнктурного цикла, наблюдая тенденцию к сплошной пролетаризации и классовой поляризации общества, идеализируя лампенские настроения обнищавших масс. Рабочие составляли весомую часть только среди жителей Англии, и им приходилось отстаивать собственные интересы в жесткой борьбе. В этой обстановке 60-70 гг XIX в. и разгорелась первая дискуссия между марксистами и анархистами о революционном отношении к государственной власти при социализме. Прудон и Бакунин критиковали тогда программные положения Маркса, считая, что всевластие государственной бюрократии также несовместимо с общест-

венным самоопределением, как и господство капитала.

Следующие три принципиальных спора социалистов о парадигмах совпадали приблизительно с окончанием одной или началом другой длинной волны. На исходе XIX столетия в наиболее развитых странах промышленность стала преобладающим сектором экономики по вложениям капитала, объему производства и числу занятых. Раскачивание маятника массового рабочего движения заставило его лидеров задуматься о последствиях и сместить акцент пропаганды на мирные реформы экономики капитализма. Э. Бернштейн доказывал, ведя полемику с революционно настроенным Ф. Энгельсом, необходимость разумного оппортунизма. В противном случае не исключено дикое, никому ненужное разрушение хозяйственных связей высокоорганизованного индустриального производства.

Печальный опыт нашей собственной истории подтвердил предостережения "ревизионистов". Российская экономика с огромным напряжением сумела вынести тяготы трех лет первой мировой войны. В 1916г. выплавка чугуна снизилась всего на 12,5% по сравнению с 1913г., добыча угля — на 4,5%. Производительность труда в крупной, цензовой промышленности за тот же период даже возросла на 30%. Однако грандиозные внутрисоциальные потрясения: сначала две революции 1917г. — февральская и октябрьская, а затем гражданская война — обернулись национальной трагедией и хозяйственной катастрофой. Производство валовой продукции в 1920г. по отношению к 1913г. упало в сельском хозяйстве в 1,5 раза, в мелкой ремесленной и устаревшей промышленности в 2,3 раза, цензовой промышленности в 6,9 раза. понадобилось семь лет, чтобы восстановить довоенный выпуск продукции в технически передовых отраслях тяжелой индустрии.

Ревизионисты пошли дальше и отвергли догматический принцип защиты "чистоты" теории, занявшись ее качественной переделкой. Они решили, что проблема форм собственности не стоит в центре социалистической стратегии. Ибо полная отмена частной собственности повлечет за собой бюрократическое удушение личной свободы человека. Предпочтение было отдано концепции функционалы го социализма, согласно которой в условиях сохранения конкурентной рыночной экономики главную роль играет реальное право общественных инстанций распоряжаться всеми доходами или, по крайней мере, владеть их величиной. Устойчивый компромисс интересов при этом обеспечивается

сочетанием эффективного частного предпринимательства со справедливостью в распределении.

Попробное "омоложение" взглядов подсказывалось жизнью, вносящей дух своего времени в единую теорию. Так, необычная, по старым меркам, тенденция наметилась после второй мировой войны. Экономический подъем принес с собой относительное сокращение занятости в материальном производстве и резкий рост численности работников в сфере услуг (включая образование, здравоохранение, науку и информационное обслуживание), где трудится сегодня почти половина взрослого населения развитых стран. Забрезжила перспектива трансформации индустриального общества в постиндустриальное. Доля промышленных рабочих в США и Западной Европе вдруг пошла на убыль и опустилась ниже отметки 30% от общего числа занятых в экономике. Кроме того, получила распространение "демократизация капитала". Владеть акциями, т.е. частными собственниками стали широкие социальные слои трудящихся, чей основной доход составляет заработная плата.

Вняснолось, что наемный труд и пролетариат не одно и то же. Надо было вносить коррективы и в теорию, и в лозунги. Поэтому в центре дискуссии между членами социалистического интернационала оказались идея пролетарской диктатуры и ее альтернатива — демократический плюрализм в политике. Чтобы не сдавать своих идеологических позиций, западные социал-демократы отошли от узкого классового принципа и отважились признать противоречивые требования всех лиц наемного труда, а это — ни много, ни мало — 80-90% экономически активного населения в их странах.

Почву для обмена мнениями о четвертой исторической модели социализма подготовили современная научно-техническая революция и затянувшийся с середины 70-х годов структурный кризис. На пороге XXI века международному союзу социалистов предстоит очередной раз уточнить свое видение непрестанно меняющегося мира, новых отношений индивида и общества, направлений и темпов экономического роста, охраны окружающей среды и военной безопасности.

Разделить нелегкую участь прозрения придется и российским приверженцам социалистического выбора. Ведь предстоящие годы правления КПСС наложат свое клеймо политических репрессий и оди-

озных хозяйственных экспериментов типа сплошного огосударствления и монополизации экономики, централизованного директивного планирования, коллективизации деревни, комсомольских "строек века" и т.п. на здравые и привлекательные идеи социал-демократических программ, в частности, общественного самоуправления, контроля за социальными и экологическими последствиями научно-технического прогресса и т.д.

Официальные взгляды на социализм в нашей стране до недавнего времени питались духом парадигмы второго кондратьевского цикла, т.е. отставали от жизни на столетие. Естественно, что политика перестройки, проводившаяся под руководством М.С. Горбачева, вынудила отказаться от многих догматических постулатов коммунистического мировоззрения: вульгарного понимания равенства как всеобщего аскетизма, лимпенского обожествления государственной бюрократии и иждивенческого ожидания казенной благотворительности, запрещенной частной собственности и конкурентной состязательности предпринимателей, отрицания эффективности рыночного механизма и мелких предприятий.

Однако, недавнее падение престижа идей всеобщего равенства вызывалось и другими, в общем-то очевидными причинами, но о которых мало кто догадывался. Наблюдения показывают, что заметный рост народного благосостояния и усиление уравнительности в потреблении товаров и услуг отмечаются в периоды длительных подъемов конъюнктуры. И наоборот, чувствительное расслоение общества по уровням получаемых доходов, ограничение социальных гарантий неизбежны во времена кризисов.

Например, послевоенный экономический подъем 50-х и 60-х гг привел к власти социал-демократов в некоторых странах Западной Европы, подтолкнул правительство США провозгласить курс на создание "государства всеобщего благоденствия". Всего через двадцать лет обещанные в конце 30-х гг президентом Соединенных Штатов Ф.Рузвельтом "две курицы в каждой настрижке и две машины в каждом гараже" стали для многих жителей Нового Света явью. К 70-м гг часовая ставка оплаты труда в обрабатывающей промышленности передовых европейских государств практически догнала американскую.

Быстрое увеличение производительности труда позволило одно-

временно решать взаимоисключающие задачи, добиваясь устойчивых темпов экономического роста, снижения безработицы, сдерживания инфляции, стабилизации валютного курса, уравновешенности внешнеэкономического платяного баланса.

Перечисленные целеустремления становятся несовместимыми друг с другом уже при недостаточно высоком, до 2% в год, наращивании производительности труда, а тем более, в условиях близкой к нулю стагнации или кризисного падения производства. В подобных ситуациях успешное продвижение в одном направлении, скажем, в сторону занятости, возможно только за счет жертв и отступлений на других направлениях, т.е. за счет инфляционного обесценения национальной валюты, замедления роста доходов, ухудшения внешней торговли и т.п. Поэтому правительство всегда отвечает за выбор оптимального набора средств достижения своих целей.

За рубежом экономисты-рыночники дали этому противоречивому сочетанию целевых установок непривычное нашему слуху название — "магический многоугольник". Мы еще воспользуемся им в анализе современной российской экономики, а пока вернемся к передаче власти в руки социал-демократических лидеров. Так вот, после второй мировой войны повышательная фаза длинной волны способствовала развязыванию сложного узла проблем и позволяла безболезненно совмещать воплощение идеалов социальной справедливости с эффективностью рыночного хозяйства. Но перелом конъюнктуры к худшему нефтяным шоком 1973 — 1975 гг дал добро политикам неоконсервативного толка: Р.Рейгану, М.Тэтчер, Г.Колу. Они взяли на себя ответственность и пошли на непопулярные меры в целях стабилизации экономики, критикуя политику социалистической ориентации за допущенные просчеты.

В качестве главного приоритета был выбран "нормальный" режим функционирования рыночного механизма, когда деньги имеют относительно твердую покупательную способность, цены не искажаются инфляцией и отражают реальное соотношение спроса и предложения.

Предполагалось, что частная инициатива и личные сбережения будут постепенно замещать принудительное накопление и расходование через государственный бюджет средств населения, выдавливаемых налоговым прессом. Поэтому экономическая политика неоконсерваторов включала

сокращение государственных расходов, в том числе и на социальные нужды, приватизацию некоторых казенных предприятий, льготное сокращение налогов на доходы, особенно крупные. Однако обратной стороной принятых мер оказались: затяжная массовая безработица, падение реальной заработной платы и черепахи темпы экономического роста.

С теми же трудностями столкнулось и первое (в рамках СНГ) правительство России. Реформаторы начала 90-х годов пришли к власти с новыми, хотя и популистскими лозунгами. К сожалению, стиль мышления "новаторов" был прежним и почти не отличался от ругаемых ими "большевиков". Диалектику они понимали отнюдь не по Гегелю, т.е. не в виде примирения с существующим порядком вещей и снятия противоречий. Напротив, торжествовала марксистская негибкость борьбы нового со старым. Такая революционность таила в себе отравляющие конфликтности и стремления к достижению целей, невзирая на последствия социальных потрясений. Другие проявления радикализма ничуть не симпатичнее, это — невосприимчивость к национальной культуре прошлого и нежелание искать взаимного согласия отечественных социальных сил.

Марксистское понимание нынче уже не в чести, однако его место ничем не занято. Идеологическая неразборчивость правительства — серьезный недостаток. Мудрый австрийский экономист — "астролог", разработавший вслед за Н.Д.Кондратьевым теорию циклов, И.Шумпетер говорил: "Аналитическая работа начинается с видения, а оно идеологично почти по определению. Если есть хоть какой-нибудь мотив, побуждающий нас видеть факты так, а не иначе, то можно не сомневаться, что мы их увидим так, как нам хочется. Чем престоуднее и наивнее наше видение, тем опаснее оно в том случае, если мы попытаемся получить из него универсальные выводы. Когда, тот, кто ненавидит свою общественную систему, вовсе не объективно создаст более объективный образ, чем тот, кто любит. Ненависть не менее слепа, чем любовь". (Шумпетер И. История экономического анализа. В кн.: Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. I, М., 1989, с.283). Об этом полезно вспоминать в пылу неутраченных споров о судьбах нашей страны.

Прогресс цивилизации неправомерно объяснять победой одной из тенденций: индивидуализации или социализации. Это взаимодополняющие и взаимообуславливающие друг друга крайности. Современная эпоха проникнута духом полемики, которая обогащает и либеральную, и социалистическую идеологию. В 90-х гг для России одинаково актуальны и гуманное обновление социалистических идей, возвращающее мировой опыт социал-демократии, и укрепление свободолобивой идеологии либерализма. Надо сделать все, чтобы реально обусловленный процесс усиления частной инициативы сограждан не сопровождался гонениями на противоположные, общественные ценности. Более того, чтобы либеральные воззрения не остались ущербными, построенными по образцу "марксизм наизуот", законсервировав примитивность господствовавших доселе взглядов.

Мысль, проповедующая высшую ценность человека, подкрепляется объективными закономерностями. Но объявлять либерализм единственно жизнеспособной идеологией все-таки излишне пристрастно. Даже ссылаясь на Гегеля, как это делает социолог Ф.Фукуяма в своем нашумевшем, недавно вышедшем в США эссе "Конец истории?". Разве теория рационального индивидуализма оставалась неизменной со времен гегелевской "Феноменологии духа", т.е. с 1806г? Конечно же, нет. Она подновляла облик своих воззрений, ибо существенно менялись: главная производительная сила - человек, социальная структура, хозяйственный механизм. Либеральная идеология проходила, говоря языком Гегеля, "круги кругов", опосредствуясь своею противоположностью - социалистическим мирозерцанием. Эти абстрактные рассуждения можно конкретизировать, если изучать историю становления хозяйственного строя, основанного на частном предпринимательстве, в качестве реального осуществления идеи личной свободы.

Поскольку замысел публикации - показать практическую ценность и познавательные возможности теории циклов, постольку все социально-экономические явления и пороки, и в их взаимной связи рассматриваются в ней под этим, "периодическим" углом зрения. Более того, "сугубо экономические", длительные конъюнктурные колебания не вырываются из живой пульсации всех сфер человеческой деятельности. Поэтому, что столь необычный подход и зачастую спорные выводы ком-

пенсируют несколько однообразную методологию.

Итак, большие волны не только налагают свой отпечаток на процессы расслоения общества по группам и обновления концепций общественной мысли, но они также определяют развитие сложнейшей системы хозяйственного механизма. Здесь уместна аналогия с понятием "парадигмы", которое встречалось выше в контексте смены политических программ социалистов. Тот же термин использовал и американский философ Т.Кун при периодизации научно-технических достижений. (См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1977, с. II, 28 и др.), имея в виду сумму технико-производственных знаний и способы их практической реализации.

Думается, что можно шире посмотреть на эту проблему и весь хозяйственный механизм изучать как своеобразную хозяйственную парадигму: систему экономических знаний и практических навыков, образцов (примеров) поведения, стимулов, институциональных форм (организационных, правовых, культурных, этических, религиозных).

Причем такие устойчивые структуры сохраняют свои основные черты в течение одной длинной волны. И поему полувековой период действия научно-технических, хозяйственных, идеологических парадигм значительно короче, нежели временные горизонты эпохальных изменений. В этом смысле степень обобщения исторического материала уступает марксовской схеме способов производства материальных благ. Хотя есть возможность полнее учесть текущие перемены в обществе и точнее их описать. В целом же предлагаемый методологический подход гораздо прагматичнее, полезнее для конкретных дел по обустройству России, чем "традиционное" членение истории на общественно-экономические формации.

Во-первых, переход от одной стадии развития к другой не связывается с уничтожением "системы" или "класса". Такая точка зрения влечет к национальному единению в конфликтные времена назревающих реформ, отвергая разрушительную воинственность принципа "классовой борьбы". Во-вторых, духовная сфера возвращается на подобающее ей место, не заменяемое ничем, в теоретических построениях. Закономерность, необходимость в социально-экономической области неоднородна и предполагает субъективный выбор из объективных возможностей. Поэтому мышление и вся духовная сфера играют активную роль в

осознанном сотворении цивилизации.

Право же, гредно считать высоты духа человеческого придатком к материальному базису производства. Ведь у каждого народа свое сочетание частного почина и государственной регламентации, либеральной и социалистической идеологии, почитания традиций и веры в здравый смысл. Оно формирует тип работника, трудовую этику, потребности, хозяйственное право, которые придадут национальное своеобразие экономике. Пора уже понять, что мы не можем жить при социалистической или капиталистической, рыночной или командной системе. У нас одна, российская экономика. Надо изучать и возрождать истинные отечественные традиции хозяйствования, прилаживать их к велениям дня нынешнего и грядущего. Отказавшись от навешивания ярлыков "социализм", "капитализм", выиграют все: и собственники, и те, кому нечего терять, кроме забот о хлебе насущном. Станет одним поводом меньше для искусственной конфронтации.

Из признания закономерного характера циклических колебаний вовсе не следует, что они жестко однозначно предопределяют череду наступающих событий и вершат судьбы народные. Конечно, господствующие образцы хозяйственного поведения сводят воедино обособленные устремления людей и ограничивают свободу индивидуального выбора. Однако человек приспосабливается к новой ситуации, ускоряет своими действиями структурные сдвиги в экономике и тем самым подготавливает следующие реформации как теоретических воззрений, так и экономических регуляторов. При этом, естественно, возникает напряженность и конфликты между социальными слоями, благополучие которых связано с новоявленной или уходящей системой ценностей.

Идеологические установки весьма и весьма живучи. Поверим на слово знаменитому "экономическому пророку", англичанину лорду Кейноу: "Идеи экономистов и политических мыслителей и тогда, когда они правы, и тогда, когда они ошибаются, — более могущественны, чем обычно думают. В действительности мир почти этим только и управляется. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Сумасшедшие, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают источники своего безумия

из творений какого-нибудь академического писани, с бытующего несколько лет назад" (См.: Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1948, с.370). Наглядное тому свидетельство — сегодняшнее движение России к рынку.

Научная проработка теоретических проблем и хозяйственная политика пока ограничивались категориями "классического синтеза" рубежа XIX — XX веков (конкурентными рыночными механизмами с гибкой заработной платой и подвижными ценами, т.е. тем, чего нет на самом деле в действительности), даже не исчерпывая всего богатства выводов указанной экономической школы. У нас, к сожалению, преобладает упрощенное понимание рынка как желаемого состояния, как идеала механизма регулирования экономики. Хотя уже в конце прошлого столетия порицали классического синтеза А.Маршалл писал о трех видах рыночного равновесия: моментном, краткосрочном и долгосрочном. Надо не останавливаться на этом, а идти дальше и рассматривать рынок как непрерывный процесс хозяйственного развития, который постоянно усложняется.

В течение каждой длинной волны хозяйственный механизм подвергался коренным преобразованиям. обстоятельное и системное исследование этого вопроса требует серьезного научного изыскания и еще ждет своих исследователей. Но если фрагментарно, беглым взором окинуть закономерности переходов, то высматривается логика историчности исходным основанием надстраиваются новые слои материальной и духовной культуры, которые подчиняют себе и преобразуют уже накопленные ценности.

Предидущий краткий обзор возникновения современной социальной структуры показал, что над естественным аграрным базисом сформировался слой индустриальных отношений, а над ними разрастается материальная и духовная культура постиндустриального общества. Такая многослойность объясняется сосуществованием нескольких укладов в экономике. Следует добавить, что исторический экскурс раскрывает условия зарождения и развития экономических укладов, и таким образом позволяет оценить роль каждого из них в современном обществе.

Известно, что экономическая основа либерализма — капиталистическое частное предпринимательство — имела своими предпосылками: постоянное предприятие, организованное на принципах рациональ-

ной техники, бухгалтерского и коммерческого расчета; частную ответственность на вещественные средства производства; свободный труд; свободную торговлю и развитие транспортное сообщение; коммерческую организацию хозяйства - денежное обращение, кредит, налоговую систему и пр.; государственную политику поддержки предпринимательства - меркантилизм; рациональный образ жизни - право, хозяйственную этику, стиль мышления.

Используя перечисленные предпосылки, концентрация частной собственности в финансово-кредитной системе и торговле подготовила появление промышленного предпринимательства. Без нее невозможно было бы создание и накопление основного капитала. Этот элемент капитализма, реально воплотившийся в новых орудиях труда и машинах, качественно преобразил существовавший рыночный механизм мелкого ремесленного производства и купеческой торговли.

Изготовление продукта на продажу лично товаропроизводителем - самая древняя, простейшая форма рыночных отношений. Поэтому современная индивидуальная трудовая деятельность типична для мелкого производства. Все условия хозяйственной деятельности находятся в частной собственности владельца. Он одновременно один в трех лицах: работник, собственник и предприниматель. Целью индивидуальной трудовой деятельности является получение максимального дохода, идущего в основном на личное потребление, а не на расширение выпуска продукции или объема оказываемых услуг.

Рыночное регулирование здесь бесхитроуто. Достаточно обыкновенной лавки или базара. Спрос и предложение вкупе с массой наличных денег формируют уровень розничных цен. Количество средств производства, которое может использовать один человек, невелико. Сие обстоятельство очерчивает границы и собственности, и производства. Стало быть, мелкое частное хозяйство, впрочем и кооперативы тоже, не могут претендовать на роль ведущего сектора российской экономики. Поскольку "частники" и кооперативы, если они не привлекают наемный труд, как правило, ориентируются на стабильные объемы производства.

Совершенно иные отношения складываются в среде крупных предприятий, основанных на применении наемной рабочей силы. Обособление собственности на средства производства от труда разграничило ис-

точники доходов: прибыль и заработную плату. Соответственно изменилась модель издержек и ценообразования. Потребность в возмещении основного капитала и в расчетах с работниками заставила kalkulировать себестоимость продукции и сравнивать цены производства с ценами оптовой торговли. Появился новый регулятор промышленного производства - прибыль.

Эпоха свободной конкуренции, достигшая своего расцвета в середине прошлого века, закрепила интересы собственника капитала, который чаще всего сам занимался предпринимательской деятельностью. Главным средством расширения его дел было повышение производительности труда, снижение издержек и цен ради большей прибыли, необходимой для нового витка накопления.

Ограниченные размеры капитала и высокая средняя норма прибыли полагали пределы экономическому росту. Практически невозможно обеспечивать быстрое расширение частных предприятий только за счет собственных средств владельцев. Этот нюанс не надо упускать из виду, оказывая поддержку российским бизнесменам. При всем увлечении к коммерческой деятельности биржевиков и промышленников нельзя делать ставку лишь на них одних. Личных сбережений миллионеров не хватает, чтобы вытянуть отечественную экономику из кризиса. Поэтому вновь обратимся к истории в надежде найти выход.

Приобретением второго большого цикла стало широкое распространение акционерной, по-существу коллективной, формы собственности в промышленности, что повлекло за собой многочисленные последствия. Функцию предпринимателя ввели на себя наемные управляющие-менеджеры. Сильнее дифференцировались источники доходов от собственности, предпринимательской сноровки и наемного труда.

Выстроилась многоэтажная система регуляторов хозяйственного механизма, когда над ценовыми пропорциями довели колебания обычной средней нормы прибыли, а последними, в свою очередь, командовала ставка ссудного процента. Норма процента диктовала уровень минимальных требований собственника к эффективности отпущенных вайлым средств, влияла на соотношение между накоплением и текущим потреблением, на денежную массу в обращении. Все контакты, лишь колебания доходов - ренты, дивиденды и т.п. - зависели теперь от капризов процента на капитал. Структура цен могла уже включать не все обыч-

ную норму прибыли, а лишь ее часть, равную дивиденду или даже учетной ставке процента. Такое понижение доли собственника в ценах помогло осваивать менее прибыльные отрасли с большим удельным весом основного капитала: строительство и эксплуатацию железных дорог, машиностроение.

Альтернативные возможности вложения временно свободных денег в акции или помещение их на банковские депозитные счета укрепили роль биржи и банковской системы. Эти институты сосредоточивают у себя подавляющую часть сбережений населения, резервные платежные средства бизнеса и некоммерческих организаций. Используя данные источники, предприниматель получает доступ ко всему общественному капиталу. И, что самое важное, границы хозяйствования за счет частной собственности отдельного капиталиста, сдерживающие размеры предприятий, раздвигаются. Поэтому уже к исходу второго цикла образуются первые крупные корпорации (ранее бывшие достоянием лишь купеческой оптовой торговли), которые монополизуют целые отрасли промышленности.

Следует заметить, что отнесение жалования менеджера на издержки производства разъясняет "тайные" мотивы его действий. Он довольствуется ростом фирмы без существенной прибыли, выплачивая минимальные дивиденды держателям акций. Экономический рост в "чистом виде" за счет средств всего общества — вот новый образец поведения делового человека. Так как укрупнение фирмы раздувает штаты руководящего персонала, то в обществе возникает и подспудно взрывает мощный слой управленческих работников со своими специфическими корпоративными интересами. Народившаяся бюрократическая система управления корпорациями — "технократия" — вытесняет частного собственника в сферу мелкого бизнеса, что серьезно ограничивает экономическую свободу личности.

Уяснение исторического опыта поможет смягчить острые споры вокруг приватизации в России. Крупное производство практически нельзя вести за счет личных накоплений директора предприятия. Поэтому распродажа современных промышленных комплексов осуществима только по кусочкам, в форме акций. В частное владение отойдут мелкие и средние заведения, обретая статус "истинно капиталистических". Функцию "эксплуатации" и производственных мощностей, и работ-

ников (ее правильнее называть организацией производства) в солидных фирмах доверят исполнять такому же наемному менеджеру, что, впрочем, несколько не мешает ни ему, ни остальным работникам, купив акции, стричь купоны и ощущать себя частным собственником.

В период третьей волны монопольные или олигопольные структуры окончательно утвердились в качестве надстройки над механизмом свободной конкуренции. Сильнейшие корпорации подчинили своему влиянию большинство мелких и средних фирм, заложив тем самым основы отраслевого и межотраслевого регулирования. Состояние контролируемой или, другими словами, несовершенной конкуренции подготавливало благодатную почву для планирования объемов продаж и рыночных цен. В итоге снизился риск осуществления долговременных коммерческих проектов, объединявших контрактами многие компании. Укрупнение предприятия предопределило переход к массовому, поточному и конвейерному производству, для которого уже тесны границы национального рынка.

Сплетение интересов торгово-промышленных корпораций и банков образовало иерархию финансовых монополий, перекроивших на свой лад рыночный механизм. Идя таким путем, естественное развитие капиталистического предпринимательства и конкуренции поставило под угрозу экономические устои либерализма. И если в начале XIX в теоретики манчестерской школы во главе с Д.Рикардо ратовали за невмешательство государства в дела бизнеса, то спустя сто лет сторонники частной инициативы думали иначе. Чтобы обеспечить свободу индивидуального выбора и равные шансы в конкурентной борьбе, требуется компенсировать финансовую мощь монополий законодательными актами и упреждающей правительственной политикой. Появился хоть плохенький, но выбор между технократическим и государственно-бюрократическим регулированием экономики. И сейчас нам предстоит выбирать из того же самого, а не из альтернативы — командное или рыночное управление народным хозяйством. Живем-то мы в конце XX века.

Сопrotивляться объективным закономерностям глупо, и, по советам того же лорда Кейнса, развитие страны занялось целенаправленным государственным регулированием. Оно дополняло усложня-

ний хозяйственный механизм частного предпринимательства в тех его звеньях, где желательна централизация и концентрация денежных средств, властных полномочий: в банковской сфере и налоговой политике, бюджетном финансировании и законодательной регламентации экономических отношений. Кроме того, быстро создавался обширный государственный сектор национальной экономики, противореча традиционным представлениям о формах собственности.

Вторую половину нашего столетия, стало быть, четвертую кондратьевскую волну, нарекли эпохой НТР, и она оправдывала свое название. Современные производительные силы гарантировали небывалый скачок не только объема производства, но и потребления в передовых странах. Потребности населения насыщались как за счет повышения заработной платы и других личных доходов, так и из средств государственного бюджета и прочих источников социальных выплат. Так, совершенно неожиданно в государствах, где царствовала либеральная идеология, реально воплощались в жизнь мечты и чаяния социалистов о равенстве в распределении. Более того, самые ортодоксальные либералы вынуждены были признать социальную защиту каждого гражданина справедливым требованием, которое совместимо с рыночным хозяйством и индивидуальной свободой.

Крупные перемены не обошли стороной и мирохозяйственные связи. Начиная с 50-х гг. транснациональные корпорации проникали на зарубежные территории без политики колониальных захватов, как в прошлых циклах, а совсем наоборот, в условиях политического освобождения народ в третьего мира. Капитал преимущественно вывозился уже в развитые страны, т.е. также в направлении, обратном предшествующему периоду. В индустриальных странах имелась в достатке квалифицированная рабочая сила, емкий внутренний спрос, разветвленная инфраструктура — все необходимое для прибыльного освоения научно-технических нововведений. Одновременно перелив капитала поднял мощную волну миграции людей, организовал прямую конкуренцию между иностранными компаниями практически на всех открытых рынках.

По-существу в обозримом будущем грядет глобализация парадигмы хозяйствования, когда каждая фирма непосредственно или через цепочку посредников включается в мировое разделение труда. Этому благоприятствует межгосударственное регулирование внешнеэкономических контактов, унификация хозяйственных механизмов в региональ-

ных масштабах (Европе, Северной Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе) путем межправительственных соглашений и деятельности международных экономических организаций. Над транснациональными структурами надстраиваются новые многонациональные образования. В качестве примера можно указать на реализацию проекта "Единая Европа 1992". Идет поиск регуляторов хозяйственного равновесия глобального типа, форм согласования межнациональных интересов при сохраняющемся многообразии, неповторимости всех народов единой противоречивой человеческой цивилизации.

Таким образом, мировая практика показывает, как складывается разрастающаяся сеть гибких экономических рычагов, обеспечивающих тонкую самонастройку народного хозяйства на оптимальный режим функционирования. В нашей же стране на сегодняшний момент, увы, нет опыта использования даже элементарных рыночных регуляторов.

НАША "СПЕЦИФИКА"

Судя по историческому экскурсу, вмешательство государства в экономику расширялось на протяжении последнего большого цикла во всех без исключения развитых странах. В этом смысле современную организацию хозяйственной деятельности в России следует считать вполне закономерным результатом завершившейся длинной волны. По общемировой тенденции, начало которой восходит к 30-м годам текущего столетия, проявилась в Советском Союзе в уродливой, а потому трагичной форме.

Именно на исходе первой трети XX века, когда были разломаны или уничтожены частнохозяйственные и коммерческие структуры, окончательно утвердилось оплошное огосударствление отечественной экономики. Насильственное объединение крестьян в колхозы, подавление частной собственности в промышленности и торговле привели к безраздельному господству казенной собственности. Теперь государству уже никто не мешал выполнять функции предпринимательства, назначая руководителей предприятий во всех отраслях материального производства и услуг, учреждениях кредитно-финансовой сферы. Для координации всего государственного хозяйства, как и следовало ожидать, был создан громоздкий, жестко централизованный аппарат управления. Естественно, такие институционные изменения безобразно

трансформировали систему экономических регуляторов.

Рыночные отношения преобразились до неузнаваемости, но не исчезли совсем. Поэтому называть действовавшую систему абсолютно нерыночной, сугубо командно-административной неверно. Это абстрактно схоластическое представление о реальной экономике, возбуждающее чрезмерный радикализм в политике по принципу "или-или". Чтобы устранить перекос в пользу государственного регулирования и впопыхах не перегнуть палку в другую сторону, возрождая частную инициативу, надо точно знать степень деформации рыночного механизма. Попробуем сделать шаг в этом направлении, обрисовав проблему в общих чертах. Причем начать желательно с отказа от одномерного, плоского понимания рынка. Западные экономисты совершенно правильно выделяют в едином национальном хозяйстве четыре типа рынков: товаров, денег, рабочей силы и капиталов (фондов).

Итак, что мы имели на товарном рынке? Политика фиксированных оптовых и розничных цен выключила ценообразование из механизма регулирования равновесия спроса и предложения. Эта мера вполне объяснима. Бюрократическое управление всегда стремится к упрощению, унификации и стабильности. Твердые цены избавляли от необходимости повышать доходы работников госсектора, пособия и выплаты нетрудоспособным гражданам. Создавалась видимость социально сильной политики. При неизменных ценах можно было допускать дефицит государственного бюджета, покрывая непомерные расходы с помощью эмиссии бумажных денег. Возникал эффект устойчивости национальной валюты. Вдобавок концентрация производства на крупнейших предприятиях гарантировала им монопольно высокие цены, которые законодательно закрепляла хозяйственная бюрократия.

Отсутствие массовой безработицы еще не говорило о благополучном положении на рынке труда. Запрещение частного предпринимательства позволило ограничить заработную плату работников текущим потреблением, исключить возможность накопления собственного капитала. Роль попечителя народных сбережений бюрократия, конечно же, оставила за собой, что существенно повысило ее престиж в общественной иерархии. Стабильные цены обусловили твердые ставки низкой заработной платы. Таким образом, рынок труда характеризовался массовым предложением дешевой рабочей силы, поступающей из сельской

местности и домашнего хозяйства; она использовалась полностью, но далеко не эффективно.

Наибольшие перевороты происходили, пожалуй, на денежном рынке. Отмена коммерческого кредита (вексального обращения) сделала ненужным регулирование учетной ставки, т.е. гибкое регламентирование условий выдачи кредитов. Слияние банковской и бюджетной эмиссии стерло различие между казначейскими билетами и банкнотами, между государственным долгом и ссудами банка, между казной и народным капиталом. Но в то же время налично-денежное обращение, которое обеспечивало сферу личных доходов и обращение потребительских благ, было отделено стеной интрукций от безналичных расчетов, обслуживающих остальной хозяйственный оборот. Государственный банк СССР был в одном лице эмиссионным центром, выпускавшим наличные деньги, и системой кредитования. После этого денежный рынок можно было регулировать произвольными решениями правительства, т.к. обращение денег пассивно приспособлялось к потребностям обмена.

Фондовый рынок (рынок капиталов) почти полностью был заменен ассигнованиями из бюджета. С помощью налога на прибыль и налога с оборота (аналога налогу на добавленную стоимость) финансовое ведомство собирало как дань весь общественный прибавочный продукт в своих руках. Подавляющая его часть тратилась на финансирование народного хозяйства, в виде беспроцентных и безвозмездных субсидий. Ассигнуя самого себя, государство рассуждало здраво и не начисляло проценты. По той же причине кредиты банка выдавались под директивно установленный низкий процент, обычно не более 2 - 5% годовых. Таким образом, капитальные блага не имели своей нормальной цены - процента. Их распределение поэтому осуществлялось не на рыночных принципах. Хозяйственные ведомства делили единый фонд капитальных вложений в соответствии с собственной экономической мощью и политическим влиянием, а не по коммерческим соображениям.

Твердо установленные цены, ставки заработной платы, проценты за кредит поддерживали покупательную способность рубля. Деньги превращались в чисто счетную единицу. Однако подобная внешняя стабильность снижала способность экономики к гибкой самонастройке. Возрастала вероятность длительного несовпадения спроса и предложения. Единственным переменным параметром в казенном хозяйстве оставался объем производства товаров и услуг. Не случайно поэтому

планирование выпуска продукции по отраслям и предприятиям составляло стержень государственного регулирования. Натуральные пропорции довели над ценовыми.

Похожие процессы происходили и в мировой экономике, правда, не в столь искаженной форме. В развитых странах крупные, особенно транснациональные корпорации начали контролировать внешние и внутренние рынки, определять их цены. Производители теперь реагируют на изменение спроса не колебаниями цен, а сокращением или расширением выпуска продукции. Появился механизм так называемой "зеновой" конкуренции, когда борьба за рынки сбыта идет вокруг качественных характеристик товаров.

Народное хозяйство России тяготело к натурализации, даже если денежная масса в обращении соответствовала ценам рыночных сделок. Этой тенденции к демонетизации содействовал ряд факторов. В частности, безвозмездное распределение капиталовложений породило состояние всеобщего дефицита в экономике, ибо бесплатная раздача благ делает спрос ненасыщаемым. Поскольку главным источником инвестиций являлся государственный бюджет, то неиссякаемая потребность все время подталкивала к дефицитному финансированию, а затем к увеличению долгов государства.

Излишняя эмиссия денег при твердых ценах вызвала хронический недостаток товаров, и государству ничего не оставалось делать, как взвалить на себя тяжелую ношу распределения всех ресурсов в стране. Рыночная оптовая торговля сменилась распределением товаров по карточкам (фондирование, лимиты), а бюрократический аппарат управления пополнился системой материально-технического снабжения предприятий и организаций. За ненадобностью еще в 30-е гг. закрылись товарные и фондовые биржи. Так постепенно происходила деградация рыночных регуляторов. Поэтому сейчас деньги имеют неодинаковую покупательную способность в различных руках и уже с трудом выполняют функцию интегрирования национальной экономики.

Изменился и механизм конъюнктурных колебаний в экономике, т.е. деловой цикл. До сих пор советская экономическая наука не изучала специально проблему деловых (среднесрочных) циклов в государственном хозяйстве. Считалось, что они, известные больше под названием периодических кризисов перепроизводства, свойственны только "оти-

хийному" рыночному регулированию. Хотя несхожесть наших конъюнктурных колебаний с западными не означала отсутствия первых. Тем более что современный деловой цикл второй половины XX в смешанной, частно-государственной экономике отличается от своих предшественников эпохи свободной конкуренции.

Раньше экономический подъем "на Западе" сопровождался ростом цен, а кризис — их падением, что помогало накапливать или рассасывать товарные запасы в торговле в зависимости от покупательского спроса, незначительно изменяя объемы производства. Теперь там наблюдается противоположная динамика. Когда возникает трудности со сбытом, фирмы ограничивают выпуск продукции. Снижение производства обычно опережает сокращение издержек, ибо нельзя отказаться моментально от всех излишних затрат. Поэтому сначала увеличиваются затраты на единицу продукции, а затем и цены. Наоборот, в "хорошие времена" вместе с расширением выпуска товаров снижаются издержки их производства. Рост цен прекращается. При этом поддерживается устойчивость денежного обращения с помощью налогов и расходов госбюджета, а также активной политики центрального банка. Соотношения цен, издержек, прибыли и банковского процента управляют активностью предпринимателей, накоплением капитала.

В условиях советского государственного хозяйства внешнеэкономические параметры отличались малой подвижностью. Не удавалось, что такая жесткость регуляторов вызвала постоянную разбалансированность народного хозяйства России, в котором диспропорции нарастали как снежный ком. Во время благоприятной конъюнктуры рост капиталовложений сопровождался не повышением цен на средства производства, а увеличением неудовлетворенного спроса на них при неизменных ценах. Надо было бороться с усиливающимся дефицитом продукции производственно-технического назначения. Из благих намерений подавляющая часть ресурсов накопления направлялась на "расшировку узких мест" — в отрасли инвестиционного комплекса (машиностроение, стройиндустрию), которые обеспечивали сооружение дополнительных производственных мощностей и новых предприятий.

Неизбежная "гонка сооружений" предполагала всеосмысленное пополнение фондов заработной платы, ведь на строящихся объектах кто-то должен был трудиться. В итоге наслаивавшиеся друг на друга госу-

государственные заказы сглатывали с рынка не только средства производства, но и предметы народного потребления. Дефицит сам себя под-держивал. Все большее число товаров попадало в список дефицитных, и их потребление нормировалось: фонды, лимиты для предприятий и организаций; карточки, талоны и т.д. для граждан. Когда уровень диспропорций достигал критической черты, проводился всеобщий пере-смотр цен, почти всегда в сторону повышения. После относительной стабилизации рынка вновь одобрилось вложение огромных средств в капитальное строительство, стартовал очередной деловой цикл.

Периодические широкомасштабные пересмотры оптовых цен и та-рифов проводились в 1936 и 1939 гг., 1949 - 1955 гг., 1966 - 1967 гг., 1973 - 1974 гг., 1982 г. Они определяли среднесрочный ритм жизни российской экономики в течение полувека в условиях господства го-сударственной собственности, предпринимательства за казенный счет и примитивного рыночного механизма, который был насильственно ли-шен вексельного обращения, оптовой торговли, двухуровневой банков-ской системы, эластичного налогообложения. Без их восстановления, реабилитации частной собственности, без отделения казначейской (го-сударственной) от кредитной (банковской) эмиссии денег любая поли-тика перехода к нормальному рынку обречена на провал.

Но применение одних лишь простых, допотопных механизмов уп-равления рыночной экономикой в лучшем случае будет топорной ра-ботой, которая несколько облегчит вползание стечественного хозяй-ства в надвигающуюся пятую длинную волну. Необходимо создавать эф-фективную многоукладную экономику смешанного частно-государствен-ного типа. Точнее, надо реставрировать разрушенное и достраивать недостающие ее части. Сейчас, на стыке двух циклов, самое время приступить к этому делу.

ТЕХНОЛОГИЯ, ЭКОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

Взгляд в прошлое "сквозь" концепцию длительных колебаний вы-свечивает закономерные процессы среди витиеватого переплетения технологических, экологических и социально-демографических факто-ров. Систематизация исторических фактов рисует идущие из глубины веков синусоиды объективных тенденций, которые венчаются животре-пещущими проблемами наших дней. Знание истоков нынешних трудностей

кратчайший путь к их преодолению.

О современной истории можно говорить не только начиная с наполеоновских войн (как это делал Гегель), но и ведя отсчет с промышленной революции конца XVIII в., в корне преобразившей тип об-щественного прогресса. До нее сельское хозяйство и ремесло дер-жались на традициях ручного труда и естественных возобновляемых источниках энергии: воде, ветре, дровах, тягловой силе животных. Рационализация европейского мышления открыла двери науке и конст-рукторским разработкам в производстве. Не заставившие себя ждать изобретения паровой машины, ткацкого станка, совершенствование выплавки черных металлов резко ослабили зависимость экономическо-го роста от природных связей. Использование разделения труда, ин-женерность получила возможность удовлетворять гораздо больший объем общественных потребностей.

Технологический облик передовых стран определяется тогда так-тически промышленностью, металлургией, добычей угля. В России первые механические ткацкие фабрики появились в 40-х гг. XIX в. вместе с поставкой оборудования из Англии. Металлургическая база на Урале, применявшая крепостной труд и рудиную технику, дремала в глубокой депрессии. Собственно промышленная революция разверну-лась у нас лишь в конце прошлого столетия.

А тем временем старания европейских умельцев увенчались соз-данием станков для изготовления машин. Народившееся машиностроение насыщая техникой другие отрасли, вытесняло ручной труд более про-изводительным механическим. На "гвоздем программы" второго цикла стали все-таки железные дороги. Крупномасштабное железнодорожное строительство и пополнение пароводного флота не только расширили географические границы рынков, снизили транспортные расходы, но и обеспечили стабильный спрос на паровые двигатели, уголь, сталь, чу-гун. Перечисленные отрасли "правили бал" во второй половине XIX в.

Российское правительство старалось не отстывать от своих ин-дустриальных соседей и приложило максимум усилий, организовав интен-сивное железнодорожное строительство и попечительство топливно-металлургического комплекса. Вынужден крестьян больше производить и экспортировать зерна, привлекая иностранных капиталов, самодержав-ная власть создавала условия для длительного промышленного подъе-ма с начала 80-х гг. XIX в. до первой мировой войны. Причем, после

аграрной реформы П.А.Столыпина качественный скачок в развитии сельского хозяйства обеспечил небывалое накопление отечественного капитала и здорово ослабил финансовую зависимость страны от зарубежных кредиторов.

В конце XIX – начале XX века технический потенциал мировой экономики поднялся еще на одну ступеньку. Окрепла энергетическая база, получив в свое распоряжение электрические моторы и двигатели внутреннего сгорания. Громадных размеров достигли технологические комплексы в черной и цветной металлургии, многопрофильном машиностроении, электротехнической промышленности, автомобиле- и авиостроении, химии и нефтехимии. Радиотехнические фирмы способствовали распространению новых средств связи: телефонов и телеграфов. Сооружение автомобильных дорог с твердым покрытием разнообразило и упрочило рыночные связи, сократило время и издержки обращения.

Вторая индустриализация в нашей стране, хоть и планировалась в 30-е гг XXв, реально осуществлялась с двадцатилетним опозданием. Дело в том, что "сталинский" вариант очередного ускорения российской экономики лишь по форме напоминал взвешенные решения царских министров. Перекачивание средств из аграрного сектора в индустриальный в годы императорского правления осуществлялось "естественными", экономическими способами: налогообложением, таможенной политикой, государственными займами и субсидиями, банковским процентом. Очень чувствительные для деревни размеры изъятия средств не выходили за разумные пределы и в конечном счете стимулировали повышение продуктивности сельскохозяйственного труда.

Советская индустриализация "кавалерийской атакой" разгромила отечественное сельское хозяйство, по-существу разрушила основной, фундаментальный уклад национальной экономики. В первые годы принудительной коллективизации произошло падение производства сельскохозяйственной продукции, по крайней мере, на 20%, т.е. не меньше, чем за годы гражданской войны. Вместо прорыва в будущее, страна оказалась отброшенной назад.

"Локомотивом" развития советского государственного хозяйства было машиностроение, ориентированное на производство военной продукции и тянувшее за собой весь шлейф отраслей тяжелой промышленности. Так что внешняя индустрия со своей инфраструктурой отслу-

жила верой и правдой около полувека. Исклади потенциальные возможности последнего большого цикла. Перед следующим циклом в новое столетие надобно хорошенько взвесить и прикинуть, что бы мы хотели от прогресса производительных сил.

Роль инициаторов недавно истекшего длительного подъема в 40-60-х гг XXв в мировом сообществе играли производства реактивного двигателя, космической техники, атомной энергии, синтетических материалов и тканей, антибиотиков, электроники и средств автоматизации, потребительских товаров с продолжительными сроками пользования, морских судов супер-водоизмещения. Особенно быстро шло увеличение удельного веса отраслей инфраструктуры и сферы обслуживания, поэтому сейчас в составе производительных сил начинают доминировать энергия, организация труда, информация, в том числе научно-технические знания.

Нам сам бог велит, глядя на передовые страны, позаботиться о сокращении финансирования природоразбазаривающих производств и не жалеть денег на глубокую переработку исходных ресурсов и технологических отходов. Нам никуда не уйти от болезненного сокращения отраслей материального производства в пользу сферы услуг. Иная дорога ведет к гибели.

Однако падение доли аграрного и промышленного секторов в экономике не означает принижение их ценности. Отраслевая структура исторически формируется как "слоенный пирог". Сферы деятельности, лежащие в ее основании, уже прошли стадию зрелости, и не они играют первую скрипку в колебаниях долгосрочной конъюнктуры. Скорее, наоборот, они служат источниками финансовых, трудовых и материальных ресурсов для новорожденных отраслей, с коих начинается отсчет очередной длинной волны. Но ведь хозяйские заботы предполагают удовлетворение и первейших насущных нужд людей. Значит, чем "древнее" отрасль, тем настоятельнее потребность в ее продуктах. Вовсе неслучайно, что из-за никудышного притока товаров повседневного спроса захлебываются все правительственные проекты вызволения России из экономического кризиса.

Если попробовать предсказать ближайшие изменения в отраслевой структуре российской экономики, то прежде всего стоит вспомнить о "долгах", доставшихся в наследство от прошлых больших циклов, т.е.

об упадке базовых отраслей. К тому же, если мы храним надежду на восстановление в полном объеме рыночного механизма, то оценка должна выводиться "глазами предпринимателя", с учетом коммерческих факторов.

Обычно экономический подъем создает благоприятную конъюнктуру для производства сырья и материалов. Это связано с тем, что низкая эластичность предложения (т.е. способность к увеличению) в природоэксплуатирующих отраслях обуславливает относительно высокий уровень цен и доходов при расширении потребления сырьевых ресурсов. Поэтому перед российским правительством вскоре во всей своей запущенности встанут проблемы первоочередного развития топливно-энергетического и агропромышленного комплексов.

Солідные прибыльные заказы машиностроению сулит предстоящая реконструкция топливдобывающего оборудования и интенсивное развѣривание агробизнеса. Сельская местность превращается в зону выгодного вложения капитала, так как, по-первых, там по-прежнему нет современной инфраструктуры (дорог, линий связи, электропередач и т.п.), во-вторых, фермеры будут крупными потребителями техники для малой механизации, животноводческого оборудования, средств защиты растений, оборудования для хранения, переработки и транспортировки сельхозпродукции.

Другим "тягачем" длительной конъюнктуры, вне всякого сомнения, станет конверсия военно-промышленного комплекса, в состав которого входят (в разной степени) практически все большие машиностроительные предприятия и в котором занято около 40% основных фондов страны.

Однако существующий инвестиционный комплекс не в состоянии справиться с такими серьезными программами. Не хватает производственных мощностей — они вдобавок ко всему морально и физически устарели — ни в промышленном, ни в гражданском строительстве. Машиностроение само нуждается в коренном обновлении. Металлургия чахнет "дедовскими" печами.

Неудовлетворенный спрос на элементарные предметы потребления промышленного изготовления говорит о плачевном состоянии легкой и пищевой промышленности и необъятных перспективах потребительского рынка. Действовавший механизм государственной экономики непрерывно

перекачивал деньги в инвестиционный и военно-промышленный комплексы, оставляя жалкие крохи капитальных вложений для производства товаров народного потребления и жилищного строительства.

В ближайшее время следует ожидать повышенного внимания к научно-техническим проектам, в первую очередь, к созданию инновационных фирм. Переход к рыночным отношениям развязывает руки новаторам. Появится спрос на не востребовавшие научные открытия и конструкторские разработки. Богатые научные и культурные традиции при надлежащем финансировании должны помочь становлению наукоемкого сектора национальной экономики.

Заманчивые перспективы обещает экобизнес, связанный с разработкой и внедрением чистых и ресурсосберегающих технологий. Он получает особую поддержку муниципальных властей и имеет льготы центральной администрации. Прибыльным делом может стать рекреационная сфера: восстановление и охрана естественных ландшафтов, использование их для индустрии развлечений, отдыха и туризма.

Таким образом, Россия с ее богатыми природными запасами, раскинувшейся неоглядной территорией, многомиллионным самобитным народом, но с ограниченными пока фондами капитальных вложений представляет собой непочатый рынок покупателей, прозябавших в вечном дефиците. Это благодатная почва для "предпринимательской нивы". Не стоит нам упускать свой исторический шанс. Гораздо привлекательнее превращать проблемы в возможности.

Человечество, восходя по ступеням научно-технических и экономических парадигм, приблизилось к естественным порогам воздействия на природу. Причем, несмотря на различия ситуаций и вызвавших их причин, в развитых и развивающихся странах нынешние экологические потрясения привели к глобальной деградации. Индустриальное общество встало перед лицом управления планетарными процессами. Выход из тупика возможен только путем комплексного преобразования всех элементов социально-экономической системы. Несомненно, есть доля истины в словах Дж. Форрестера: "Человечество двести лет цеплялось за надежду, что нововведения в области техники смогут обеспечить хорошую жизнь. Но и после того, как прошло несколько последовательных волн технического прогресса, больше людей, чем раньше, голодают, поиски энергии и ресурсов приводят к

увеличению политических конфликтов... Может быть, следующий этап нововведений будет связан с новым подходом к регулированию отношений человека к человеку и человека к природе... Возможно наиболее фундаментальным нововведением будет нахождение социальных и политических стимулов, позволяющих существовать без голода и войн" (См.: Долговременные тенденции в капиталистическом воспроизводстве. М., 1985, с.226 - 227).

Экологическая составляющая воспроизводства (плодородие почв, месторасположение земельных участков, содержание полезных компонентов в природных ресурсах, богатство лесных угодий и рыбных промыслов, погодно-климатические характеристики и т.д.) накладывает свой отпечаток на функционирование хозяйственного механизма, влияет на колебания цен.

Динамика цен на сельскохозяйственную продукцию и товары добывающей промышленности - это одна из ключевых элементов больших циклов конъюнктуры. Относительно высокий уровень мировых цен на сельхозпродукцию и топливно-сырьевые ресурсы отмечался во время новышательных волн: 1790-1815гг, 1848-1875гг, 1896-1920гг, 1935-1951гг. Напротив, дешево продавались указанные товары в периоды депрессивного состояния мирового хозяйства.

Вот почему вывоз российского хлеба на мировой рынок первые 13 лет XX века, особенно в ходе столыпинской реформы, приносил обильные плоды валютных поступлений. И наоборот, сталинская программа экспорта зерна, изъятого у крестьян, в конце 20 - начале 30-х гг претерпела неудачу, столкнувшись с низкими ценами. Стало быть, курс на ускоренную индустриализацию оказался несвоевременным, идущим вразрез с объективными тенденциями мировой экономики.

Рост цен всякий раз стимулировал предложение продовольствия и природных материалов, но в то же время подталкивал к поиску альтернативных источников. Долгосрочный инвестиционный бум обычно начинался с использования новых видов топлива и сырья, т.е. с более интенсивной эксплуатации природных запасов. Ресурсные ограничения преодолевались, однако возникали новые пределы разрушительного воздействия на окружающую среду. И завершение очередного цикла знаменовалось ухудшением экологической обстановки.

Для России высокопроизводительные и малостроходные технологии-вопрос первостепенный. И не только потому, что многие регионы

превратились в зону экологического бедствия. Ситуация требует менять качество экономического роста, не расширяя сферы производства, но внутренний рынок далек от насыщения даже продуктами первой необходимости, не говоря уже о чем-то большем. Голод и нищета вызывают о помощи. Однако действия, направленные на повышение жизненного уровня, скрывают в себе опасность ухудшения общего состояния народного хозяйства и необратимой деградации его естественного базиса.

Дальнейшая экспансия индустрии на устаревшей технологической базе сегодня чревата катастрофическими последствиями межконтинентального, планетарного масштаба. Нельзя безоглядно выдвигать программу максимального увеличения потребления, под внешне обольстительным лозунгом "каждому по потребностям". Ибо это не только растрата ресурсов, но и заполняющие новые свалки гниющие кучи отходов. Затраты на их переработку могут свести к нулю все выгоды приращения производства.

В этом противоречии абсурдно одну сторону приносить в жертву другой. Поэтому создается видимость заколдованного круга, разрывать который надо как можно скорее, закрывая грязные и неэффективные предприятия. Благо, в обстановке кризиса это сделать проще. Единственно разумной альтернативой представляется переход от "типично" интенсивного воспроизводства к экономическому росту за счет преобладания возобновляемых ресурсов.

Примитивный рыночный механизм сам по себе безразличен к окружающей человека среде. В цивилизованных странах охраной природных богатств занимается некоммерческие, государственные организации на основе законодательных актов центральных и муниципальных властей. Усилить "командно-административные" методы, хотя бы и в экологической сфере, будет нелегко, поскольку они идут поперек общего стремления к рыночной свободе.

Ясно и то, что следует ожидать установления стабильно высокого сравнительного уровня цен на исходные топливно-сырьевые ресурсы и продукцию земледелия и животноводства. Дорогое "удовольствие" заставит эффективно расходовать национальное достояние, сохранять и множить его.

Возведение государственных границ внутри расплавленного Совето-

кого Союза обострило проблему межрегионального передвижения рабочей силы. Сидя "на развалинах", нелишне обратить внимание на мировые хозяйственные тенденции и постараться понять, что нас ждет впереди.

Согласно статистике, демографическая ситуация в стране зависит как от естественного прироста (убыли), так и от миграции населения. Движение рабочей силы тесно связано с направлениями потоков капитальных вложений, созданием условий занятости и приемлемого уровня доходов. Во время восходящей фазы большого цикла усиливается приток дешевой рабочей силы с периферии мирового хозяйства в индустриальные центры, а также во вновь осваиваемые регионы. Массовые переселения наблюдались в 50-х и 90-х гг. минувшего века и после второй мировой войны. Наплыв трудовых резервов поддерживает высокие темпы накопления и препятствует крутому повышению заработной платы. Но ухудшение конъюнктуры делает миллионы людей безработными, прежде всего иммигрантов. Происходящие в точках соединения двух волн сдвиги в экономике сопровождаются большими трениями, пока квалификационный состав рабочей силы не придет в соответствие с запросами производства. Текущая, фрикционная безработица в эти годы становится вынужденной и длительной. Конкуренция еще больше снижает издержки на оплату труда и занятость.

Условия занятости непосредственно перекликаются с колебаниями доходов. Процветание содействует росту оплаты наемного труда. Депрессия же означает неминуемое попятное движение реальных заработков. Кроме того, замедление производственной активности бизнеса развязывает финансовые спекуляции, способствует постепенному углублению неравенства в распределении богатства. Падение доли среднего слоя в национальном доходе подрывает спрос на потребительском рынке и приближает кризис. Но тот же процесс подготавливает предпосылки нового подъема, поскольку увеличиваются свободные денежные средства у респектабельной части общества, которые служат важнейшим источником накопления.

Доходы в сочетании с уровнем занятости и индексами цен оказываются ключевыми социально-политическими ограничителями нашей реформы. Предстоящие структурные сдвиги — это прежде всего передвижения капитала и рабочей силы, а также временное сокращение выпуска продукции. Создание дополнительных рабочих мест и организация пе-

реподготовки кадров займут достаточно много времени. Вынужденная безработица едва ли обойдется текущими, фрикционными формами и к сожалению, примет застойный характер. Много будет зависеть от службы трудоустройства. Падение производства скажется на соотношении цен и заработной платы. Здесь почти нет никаких резервов; низкий жизненный уровень населения практически исключает значительное уменьшение реальной заработной платы.

Когда нет товаров, денежное регулирование малоэффективно и почти не отличается от нормированного распределения по прожиточному минимуму. Возможности стабилизации рынка с помощью политики либерализации цен невелики. Любые манипуляции с "освобожденными" ценами и доходами выводят экономику за узкие рамки шаткого равновесия. Хозяйство сразу же скатывается под откос. Либо в сторону всеобщей бедности, если основная масса народа с мизерными доходами отсекается от устойчивого рыночного "изобилия". Либо в сторону стремительного ускорения инфляции, если различные социальные группы настойчиво добиваются повышения выплат в свою пользу.

ОБРАЗЦЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Вместе с политическим курсом на становление рыночной экономики в Россию пришла мода на предпринимательство. Пока, однако, отечественные деловые круги уступают в квалификации своим коллегам — маститым управленцам в странах с давними традициями частного бизнеса. Одна из причин отставания — преклонение перед примитивным стереотипом поведения "оборотистого человека". Современная практика менеджмента далеко ушла от такого дремучего состояния. История предпринимательства наглядно демонстрирует смену образов и мотивов поведения хозяйственников.

Деловое предприятие, или фирма, возникло в начале XIX века. Тогдашняя концепция капиталиста-организатора была бесхитростной. Следовало разработать новую технологию, отладить производство и обеспечить свою долю на рынке сбыта. "Свободная" конкуренция также велась незатейливо. Надо было добиваться подавления или поглощения соперников, но не соревноваться с ними на равных правах. Постоянная конкурентная борьба, развитие акционерной формы собственности, пользование займов финансово-кредитной системой навязывали создание больших предприятий.

Крупные корпорации открыли эпоху массового производства. Стандартизация продукта, экономия на масштабах производства, технологическое разделение труда позволили систематически сокращать издержки. Все внимание управляющих сосредоточивал на эффективной организации труда и снижении себестоимости продукции. Побеждал тот, кто предлагал товар одинакового качества по минимальной цене.

По мере насыщения текущего потребительского спроса (в США — в 30-е гг XX в., в других развитых странах — по окончании второй мировой войны) утончались вкусы покупателей. Акцент в управлении фирмой стал смещаться в область рыночной ориентации. Сложилась комплексная концепция маркетинга, дополнившая эффективность производства продвижением товаров на рынок, рекламой, сбытовой деятельностью и т. п.

Недавно завершившаяся длинная волна подарила миру надежду на постиндустриальное общество. В передовых странах благосостояние достигло такого уровня, что качественные моменты образа жизни начинают перевешивать количественные. Высказывание по этому поводу известнейшего специалиста по управлению, американца И. Ансоффа красноречиво: "Сытые потребители ждут от своих покупок большего удовольствия, и от своей работы — высокого удовлетворения запросов личности. Они становятся все более разборчивыми: чаще настаивают на полной информации о том, что они покупают, требуют от фирм-производителя послепродажной ответственности, не хотят мириться с такими побочными явлениями, как загрязнение окружающей среды. Они начинают терять веру в мудрость управляющих, в их представления о том, что хорошо для страны. Они ставят деятельность фирмы под прямое сомнение (консьюмеризм — движение в защиту интересов покупателей) и требуют от государства усиления контроля над ее действиями" (См.: Ансофф И. Стратегическое управление. М., 1989, с. 40-41).

Новые приоритеты не заменяют прежние, а присоединяются к ним. Конкуренция ужесточается в связи с интернационализацией производства, обострением дефицита ресурсов, включением еще одного фактора бизнеса — научно-технического прогресса. Привычный мир маркетинга и производства сменился миром незнакомых технологий, неожиданных, в том числе иностранных, конкурентов, высоких запросов потребителей, тесных рамок социального контроля,

Происходит пересмысление роли фирмы в современном обществе. Два века, отделяющие промышленную революцию от дней нынешних, оставили в прошлом "классический" образец свободного предпринимателя. Не пропустить бы мимо ушей предсказание И. Ансоффа, человека сведущего в "звездных" циклах стратегического управления: "По всей вероятности, складывается новый архетип: руководитель-государственный деятель. Он обладает чувством истории, знает политику, разбирается в различных культурах, умеет установить правильные взаимоотношения фирмы с ее социально-политическим окружением. При принятии хозяйственных решений он учитывает экономические, социальные, политические и культурные факторы. Он также умеет использовать политическое влияние, владеет искусством переговоров" (См.: Ансофф И. Стратегическое управление. М., 1989, с. 310). Такие меры следует прикладывать и к российским предпринимателям, коль захотелись мы на строительство развитого рыночного хозяйства.

Толковый западный менеджер исповедует новую этику хозяйствования. Его способности направляются на обеспечение процветания фирмы в условиях, где экономический рост теряет статус первоочередной социальной ценности. Стремление к получению прибыли приходится сочетать с неэкономическими целями: стабилизацией занятости, развитием местной инфраструктуры, помощью убыточным отраслям экономики, поддержкой местных общин. В настоящее время не прекращаются попытки сделать фирму социально-экономическим институтом, обязать менеджеров придерживаться социально ответственной политики.

Из сопоставления зарубежного опыта с российскими условиями вытекают парадоксальные выводы о преимуществах наших недостатков. Основная масса советских управленческих кадров уже умеет работать под жестким всеохватывающим государственным контролем. Стало быть, приспособление предпринимательского сословия к новым веяниям не должно вызывать чрезмерных трудностей. И период адаптации к незнакомым видам деятельности не затянется надолго.

ДЛИННЫЕ ВОЛНЫ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Провозглашение независимости и суверенитета бывшими советскими республиками натолкнуло их правительства на мысль ввести собственные национальные валюты. Если обратиться за советом и разъяснениями

ми к "экономической астрологии", то она ответит: "Так и должно быть. Денежная неразбериха сейчас вполне закономерна, но скоро уляжется. Во всем виноваты длинные волны". Ручательством за точность предсказания служат двухсотлетние наблюдения за развитием денежного обращения.

Как известно, роль денег исторически закрепилась за благородными металлами: золотом и серебром. Но потребности мировой торговли в устойчивости национальных валют готовили постепенный переход к монометаллическому, золотому обращению. Золотой стандарт появился в Англии в XVIII в, и после отмены в 1797 г он вновь был официально восстановлен в 1821 г. Другие страны перешли к свободному размену бумажных денег (банкнот) на золотые монеты к концу XIX столетия: Германия (1871 г), Франция, Бельгия, Швейцария и Италия (1878 г), Россия (1897 г), США (1900 г). Одновременно исполлось происходило замещение золотых монет бумажными деньгами, а последних — безналичными расчетами.

Деньги связывали воедино мировое хозяйство, и в их истории отражалась борьба интересов отдельных стран. Валюта самой мощной экономической державы диктовала условия обращения остальным национальным валютам. Гегемония Великобритании заставила ввести в качестве ответной меры золотой стандарт всех наиболее сильных ее конкурентов, и мир развивался в международной стерлингово-золотой системе вплоть до кризиса 1929-1933 гг. Затем наступил черед американского доллара, который командовал парадом до валютного кризиса 1971-1973 гг. Таким образом, этапы трансформации денежного обращения совпадали с длительными колебаниями конъюнктуры мирового хозяйства.

Золотой стандарт просуществовал недолго, до первой мировой войны, т.е. прожил одну повышательную фазу третьего кондратьевского цикла. Неэластичность денежного обращения усугубляла колебания текущей конъюнктуры и обостряла экономические кризисы, поскольку строгие ограничения денежной массы золотыми резервами банков диссонировали с пульсирующим торгово-товарным оборотом. И вполне понятно, что еще в условиях хождения полноценных металлических монет зародилась тенденция к использованию национальных валют в качестве международных кредитных денег.

С 1914 по 1936 гг происходила демонетизация золота. Все попытки восстановить золотой стандарт, в том числе и в СССР в 1922 —

1926 гг, окончились неудачей, ибо понижательная волна большого цикла конъюнктуры углубляла межстрановые противоречия. В это время обычно сдает свои позиции держава-лидер, чья валюта служит средством взаимных расчетов. Поэтому начинают преобладать гибкие, "плавающие" валютные курсы и клиринговые расчеты, подобие денежного бартера.

Периоды напряженной конъюнктуры, напротив, всегда отличаются крепнущим влиянием ведущей мировой державы. Ее валюта функционирует наравне с золотом. Показателем в этом смысле послевоенный период, когда на основе бреттон-вудского соглашения (1944 г) были установлены фиксированные курсы национальных валют по отношению к американскому доллару, принято неизменное содержание самого доллара и обязательство свободного размена долларов на золото. Бреттон-вудская система развалилась к началу 70-х гг, т.е. вместе с окончанием долгосрочного экономического подъема. В 1971 г США прекратили размен долларов на золото. Наступила очередная эпоха плавающих валютных курсов, дорогого золота, процветания золотодобычи. Появились новые заменители желтого металла — СДР (1971 г) и ЭКЮ (1975 г), задуманные, соответственно, как общемировая и общеевропейская валютные единицы. Перелом мировой конъюнктуры к лучшему благословил объединительные процессы, и в рамках проекта "Единая Европа 1992" самая сильная держава-Германия — настаивает на введении единой валюты. Причем обращение такой устойчивой денежной единицы выгодно не только немцам. Ведь значительно упрощаются расчеты и перелив капитала между государствами.

Советский рубль постигла участь, похожая на судьбу американского доллара. В 50-х годах он прочно обосновался как региональная восточноевропейская валюта во взаимных переводных расчетах стран-членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Однако в 80-е гг рубль сильно подрастерял свою покупательную способность. Инфляция спровоцировала бегство от русской валюты сначала в государствах "социалистического лагеря", а затем в отколовшихся "соседних" республиках.

Но история свидетельствует, что Россия после обеих мировых войн смогла остановить или же резко замедлить инфляционные процессы. Более того, рубль вытеснил все денежные суррогаты, хитившие наряду с ним. Правда, в те годы финансовые мероприятия серьезно

задевали меньшую часть экономики. Большинство населения страны занималось сельским хозяйством, жило потреблением собственных продуктов и слабо было связано с рыночными, товарно-денежными отношениями. Теперь же финансовое оздоровление касается каждого. Правительству нелегко будет сохранять народное доверие.

Развал рублевой зоны принесет всем без исключения бывшим союзным республикам больше ущерба, чем сиюминутной выгоды. Ведь деньги своим движением повторяют производственно-торговые связи, которые тотчас одним декретом не отменишь. Спад производства неизбежно перейдет в подъем, и единая валюта рано или поздно вернется на свои позиции. Не исключено, что рубль займет свое прежнее место региональной валюты всей Восточной Европы. Так зачем действовать вопреки здравому смыслу и печатать альтернативные рублю национальные денежные знаки?

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, НАУЧНЫЕ АБСТРАКЦИИ И РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Подводя итоги и сравнивая течение мирохозяйственных процессов с отечественной экономической историей, можно, пожалуй, прийти к следующим выводам. Длительные конъюнктурные колебания в народном хозяйстве России в целом совпадали с динамикой больших циклов ведущих стран. Так, промышленный подъем с конца прошлого века оборвался первой мировой войной, после чего возобладала тенденция к стагнации. Сильнейший спад производства в годы "Великого перелома" из-за поспешной индустриализации и разгрома сельского хозяйства соседствовал с "Великой депрессией" на Западе в 1929 - 1933 гг. Новая повыватательная волна с конца 40-х гг. выдохлась к середине 60-х гг., знаменуя перелом к худшему. Наступил "застойный" период.

Вместе с тем были и отклонения в ту и другую сторону от "среднемировых" значений по срокам и масштабам колебаний. Так, гражданская война ввергла страну в тяжелейшую разруху, в то время как в Европе и США отмечалось оживление деловой активности. Противоположный пример - нынешняя ситуация в российской экономике. Она напоминает состояние развитых стран пятнадцатилетней давности, после энергетического кризиса 1973 - 1975 гг.

* Отставание во времени - асинхронность - объясняется тем, что

Советский Союз был крупным экспортером вооружений и нефти, цены на которую стремительно взлетели вверх в 70-е гг. Рост валютных поступлений поощрял импорт, расширял емкость внутреннего рынка. Последовавшее в 80-х годах падение цен на энергоносители, а затем и сокращение военных поставок негативно отразилось на советской экономике. Однако централизованно управляемое хозяйство с негибкими рыночными регуляторами медленно реагировало на текущие соотношения спроса и предложения, изменения валютных курсов. Диспропорции в экономике командно-административного типа оказывались более устойчивыми, поскольку концентрация в руках государства практически всей собственности помогала увереннее переносить разбалансированность. Но объективный ход событий в конце концов исчерпал все резервы роста, оставшиеся от ускоренного развития в середине 50-х - начале 60-х гг.

Наложение кризисной фазы среднесрочных колебаний на понижательную волну большого цикла усугубило ситуацию в начале 90-х гг. Поэтому перелом конъюнктуры к лучшему возможен теперь как продолжительный, многоступенчатый процесс, первым этапом которого должна стать стабилизирующая программа. Рассчитать сроки ее реализации весьма сложно. Ибо логика человеческой истории непохожа на жесткие закономерности естественно-научной сферы. Столкновения интересов, как правило, чертят зигзаги на пути объективной необходимости. А цена "зигзагов" приличная: 60% спада российского производства вызвано разрывом хозяйственных связей (по-существу, политическими амбициями) внутри бывшего единого экономического пространства Союза ССР.

Россия сейчас обречена на социально-экономические реформы, а они никогда не проходят гладко. Институциональные преобразования ведут к разграничению, обособлению и обозначению интересов всеми: собственниками, предпринимателями, наемными работниками и государством. Падение производства (и текущий кризис не исключение) обостряет противоречия между сторонами. К тому же, стабилизирующие меры в экономике сначала лишь усугубят положение. В переломные моменты, как никогда, требуется консолидация действий профессионального движения, предпринимателей и государства.

В экономике всегда есть альтернативные возможности, более

того, перед каждым хозяйствующим субъектом постоянно стоит проблема выбора. Значит, каждый должен понимать, что экономика — это "игра" не с нулевой суммой, что наилучшие результаты достигаются взаимоприемлемой политикой согласования интересов, которая гарантирует поддержку принятых мер. Лишь путем конструктивного сотрудничества всех заинтересованных лиц возможно преодоление хозяйственной разрухи.

Очень горько констатировать тот факт, что "телега" российской экономики все еще несется сломя голову под гору завершающегося большого цикла конъюнктуры. Нестерпимо хочется, чтобы она скорее остановилась, оборвав безудержную прыть, и въехала на склон очередного долгосрочного подъема. Но исполнение нашего желания сильно зависит от сноровки "кучера". Российская экономика, прежде чем добраться к подножию горы, из-за лихих действий и ямщицкой удачи правительства Е.Гайдара утонула в самой крутой, наверное, из всех видимых оврагов краткосрочного кризиса. Главная беда в том, что вожжи государственного регулирования были выпущены из рук, а неуправляемая машина была предоставлена самой себе.

В становлении и упрочении хозяйства России государство всегда играло решающую роль, и отнюдь не бескорыстно. Вот что писал М.И.Туган-Барановский на рубеже XIX и XX веков: "...и в новейшее время, как и при Петре I, русское правительство, поощряя рост фабричного производства, руководилось, главным образом, так называемыми "государственными" соображениями, т.е. стремлением увеличить платежные силы населения для пополнения государственного казначейства" (См.: Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. Издание седьмое. М., 1938, с.457). Интересы промышленников, хотя и получали привилегии, но имели явно второстепенное значение. Правительство, стремившееся к увеличению политической и экономической мощи державы, развивало ее важнейший источник — производительные силы, содействовало росту производительности общественного труда и доходов населения.

Государственная бюрократия, жившая по заповедям коммунистической идеологии, решила, что проще обеспечивать интересы казны, обратив в свою собственность средства производства страны и рас-

порядкаясь по своему усмотрению доходами народа. В отличие от предшественников, руководители Советского Союза были "привередливее" и пестовали не всю крупную промышленность, а те отрасли, которые выпускали военную продукцию или создавали условия для работы оборонных предприятий. Несмотря на абсурдность выбора гонки вооружений вместо благосостояния граждан, государство не теряло контроля над собственным хозяйством, централизованно распределяя ресурсы на-копления через бюджет.

Нагнетая капиталовложения в промышленность, гарантируя, пусть неэффективную, но полную занятость, правительство добивалось относительно стабильного экономического роста и незначительного повышения личных доходов. Такая политика соответствовала духу теории регулирования Кейнса. Аналогично "взбадривали" смешанную, рыночно-государственную экономику за счет средств бюджета и лидеры Западной Европы, Японии, США.

И "у них", и у нас приоритетными целями магического многоу-гольника были экономический рост, борьба с безработицей и активный внешнеторговый баланс. Ради этого увеличивались казенные расходы, иногда даже ценою бюджетных дефицитов и разбухания государственного долга. Поскольку казначейство тратило все больше и больше средств, постольку тяжелело налоговое бремя, скапливался избыток денег в обращении, подгоняя медленную, ползучую инфляцию. Нежелательные побочные явления кейнсианского подхода казались весьма умеренной платой за хозяйственную стабильность.

С негативными последствиями директивно-планового управления наше государство спокойно справлялось во времена хорошей конъюнктуры. Но долгосрочный перелом к худшему заставил вносить коррективы в руководство народным хозяйством. Попытки его реформирования предпринимались неоднократно; в середине 60-х гг, на стыке 70 и 80-х гг и, наконец, во второй половине 80-х годов. Шаги в направлении активизации рыночных отношений не приблизили государственный сектор к желаемой цели. Экономика постепенно теряла управляемость, отклонялась от состояния длительного равновесия. Расширение самостоятельности предприятий вызвало рост цен, заработной платы на фоне снижения объемов производства. Инфляционные процессы и нарушение поставок продукции по договорам переверли предпри-

ятия в режим бартерного обмена.

В этих условиях "первое демократическое" правительство России, провозгласив курс на создание "цивилизованного" рынка, поспешило отказаться от кейнсианской ориентации и безоговорочно приняло монетаристскую доктрину стабильных денег. Новое теоретическое направление, в духе прежнего, отдало предпочтение невмешательству государства в "нормальные" колебания деловой активности. Из магического мнотугольника главней основными считались борьба с инфляцией и твердые валютные курсы. Им в жертву приносились высокая занятость и устойчивый экономический рост. Становится понятным в этой связи, почему "демократы" повернулись спиной к социальным программам и поначалу плыли на финансовую поддержку производителей.

Как и раньше, интересы казны ценились превыше всего. Самое главное, по заявлениям ответственных лиц, было свести без дефицита концы с концами российского бюджета. Но разве логичны, с точки зрения здравого смысла, способы достижения возделенного результата — удешевление налогов и производителей, и потребителей. В былые времена министры хоть производителей щадили.

Правительство Е.Гайдара рискнуло с помощью регулирования только одного денежного рынка решить все текущие хозяйственные проблемы. Это был прямой путь к обрыву. Ближайшим последствием ограничения государственных расходов при одновременном увеличении налогов стало стремительное ускорение спада производства. Это — самовозобновляющийся процесс. Сокращение производства вызывает снижение занятости и доходов, что в свою очередь уменьшает потребление. Ухудшение и без того плачевного покупательского спроса ударяет бумерангом по производителям, делая "ненужными" многие товары, сужая рынки сбыта. Ситуация "перепроизводства" вновь заставляет сокращать выпуск продукции и открывает движение по очередному порочному кругу. Наивно думать, что перманентное падение производства укрепит государственные финансы. Просто никому будет платить налоги. Парские и "коммунистические" чиновники это понимали, а "демократическим" еще пока было неизвестно.

Из оврага, в который мы угодили по их вине, выбираться придется все теми же кейнсианскими, командно-административными пу-

тями. И это согласуется с концепцией больших циклов. Ведь полных разрывов с прошлым в истории не бывало. Даже в эпохи революций наблюдалась преемственность развития. Кризис намечает начало распада старой структуры, но рождение и утверждение новой социально-экономической системы происходит с промедлениями и отсрочками. Наглядный пример — государственное регулирование монополизированной экономики. Отдельные признаки последнего отмечались еще в первую мировую войну, но они считались тогда чрезвычайным явлением. Затем государственная власть в западных странах "отошла назад", развязав руки бизнесу. Однако после "Великой депрессии" 30-х гг правительства всех развитых стран всерьез и надолго взяли бразды национальных "экономических колесниц" в свои руки. И у нас в России "военный коммунизм" сменился "стратегическим отступлением" новой экономической политики (непа). Лишь спустя семь лет по достижении довоенного уровня промышленного производства развернулась кампания по всеобщему огосударствлению отечественного хозяйства. Свой триумф директивно-плановая система управления экономикой отпраздновала принятием конституции СССР 1936 года, т.е. с отсрочкой в пятнадцать лет.

И сегодня не надо бояться идти к рыночной, смешанной частно-государственной экономике, используя "испытанное" оружие управления казенным сектором хозяйства. Пути выхода из кризиса следует оценивать не по принципу идеологичности, а исходя из прагматизма, по меркам эффективности. Лучше и легче восстановить потери производственно-технического потенциала страны, чем строить будущее на пустом месте, растрачивая силы и время.

За другим примером, в отличие от первого, далеко ходить не надо. Мощный толчок к расширению эффективного спроса, который вывел США из состояния застоя, был дан администрацией Р.Рейгана в начале 80-х гг. Снижение налогов при одновременном увеличении дефицита государственного бюджета в 4 раза стало палочкой-выручалочкой американской экономики. Кроме того, антиинфляционная политика высоких процентных ставок держала в узде денежное обращение, откачивая свободные деньги на хранение в банковские вклады, стимулируя частные сбережения и инвестиции.

Поэтому, когда ссылаются на западный опыт антикризисного ре-

гулирования, надо готовить всю правду. Ортодоксальная монетарная политика может привести к нормализации денежного обращения только после длительного периода безработицы и экономического спада.

Дело в том, что монетаризм и учение Кейнса исключают друг друга и несовместимы в "чистой" науке. Хотя правильнее видеть их взаимную дополняемость. Монетаризм хорош в качестве сравнительно долгосрочной ориентации политики на спокойных участках длинных волн. Кейнсианство надежно в сглаживании перепадов среднесрочных циклов, когда государственные мероприятия помогают вылезать из болота кризисов. Умелое управление предполагает нахождение оптимальной "смеси" двух политик.

В бушующих спорах о судьбе российской экономики негоже забывать о том, что оба альтернативных подхода предлагаются на конкретном отрезке длинной волны. И сиюминутные мероприятия следует строго сверять с конечной перспективой - выходом из затяжного структурного кризиса.

Балансировать надо не только денежный рынок, но и другие рынки, поскольку они все взаимосвязаны. Причем равновесие на них достигается в различные сроки. Деньги как самый подвижный фактор связан с краткосрочными колебаниями конъюнктуры. Соответствие товарной массы и покупательского спроса достигается в ходе среднесрочного цикла деловой активности. А равновесие на рынках рабочей силы и капитальных благ поддерживает длинные волны.

Вспомним, что начало обеих индустриализаций сопровождалось появлением устойчивой национальной валюты - "червонца". Денежная реформа 1895-1897гг ввела систему "золотого стандарта", т.е. обращение полнценных золотых монет и их беспрепятственный обмен на кредитные билеты. В 1922-1924гг вместо обесценившихся "совзнаков" были выпущены в оборот банкноты червонцев с золото-валютным покрытием. Однако твердый курс рубля был составным элементом, но не предпосылкой подъема отечественного хозяйства.

Поэтому антиинфляционные меры, сдерживающие денежные потоки, следует дополнять поощрением предложения товаров на рынках с помощью налоговых льгот и государственных заказов. Парализование производства, в свою очередь, требует значительных накоплений и интенсивного капитального строительства. И на одни добровольные сбережения населения здесь уповать не приходится. Понадобятся при-

нудительные сбережения казны, т.е. выпуск облигаций государственных займов, что будет означать увеличение государственного долга. Но это не страшно, ибо казначейские облигации большими тиражами печатаются и обращаются наряду с денежными знаками во всех развитых странах. И не все ли равно: покупать акции частных предприятий или получать процент по государственным пенным бумагам.

Особое внимание правительство должно уделять социальной защите своего народа. Грех великий ставить интересы казны выше народных интересов, экономить на благополучии людей. Но социальные выплаты - это часть программы. Другой ее аспект связан с перелодготовкой кадров и созданием новых рабочих мест. Сие непреложное условие выхода из структурного кризиса и перехода к подножью горы следующего большого цикла. И на эти цели придется искать деньги. Государству не уйти от решения всех перечисленных разносрочных проблем стабилизации экономики на рыночных принципах.

Российская экономика имеет свои причуды. В промышленности - это гипертрофированный военно-промышленный комплекс и недоразвитая сфера производства потребительских товаров и услуг. В односторонней такой перекос не исправить, тем более посредством одной ограничительной денежной политики. Без масштабных государственных инвестиций или привлечения иностранного капитала процесс перестройки отраслевых пропорций затянется надолго, а экономика стрелой полетит под откос.

Раз повествование началось с гадания, то и завершать его надобно прогнозом, стараясь узреть, что предсказывают небеса. Составляя астрозакономический гороскоп, обратимся к "старинным" рецептам и вспомним еще об одной нашей "причуде" - сельском хозяйстве. Ганьме колебания рыночной конъюнктуры в России, по свидетельству С.А.Первушина, зависели от "целого ряда величин, как-то: урожая прошлого года или даже двух, трех прошлых лет, уровня хлебных цен, размеров продукта, отчуждаемого на рынок, при этом не только зерновых, но и скота, молочных, технических растений и т.д." (См.: Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925, с. 194).

Сельскохозяйственные сезоны налагали резкий отпечаток на динамику всех хозяйственных процессов. Весна, лето и ноябрьская

распутица сопровождалась заминкой в торговле. Самыми благодатными для нее месяцами были октябрь, декабрь и январь. Экономический подъем в России начинался обычно с двух обильных урожаев подряд, да еще при выгодных для крестьянина ценах на хлеб. Учитывая наш собственный опыт со времен царя-батюшки и периодичность краткосрочных колебаний, будем надеяться, что в течение двух лет спад производства приостановится. Но высоких темпов экономического роста и заметного увеличения потребления по сравнению с докризисными годами в ближайшем будущем ожидать не приходится. Сдержанный оптимизм — это, вероятно, самый точный из прогнозов.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

О российских традициях "экономической астрологии".....	3
Уникальный инструмент познания.....	6
Парадигмы социалистической теории.....	10
"Круги кругов" рыночного либерализма.....	18
Наша "специфика".....	27
Технология, экология и демография.....	32
Образцы предпринимательства.....	41
Длинные волны денежного обращения.....	43
Отечественная история, научные абстракции и реальная политика.....	46